Лоран Гунель
БОГ ВСЕГДА ПУТЕШЕСТВУЕТ ИНКОГНИТО

Лоран Гунель

Бог всегда путешествует инкогнито

«Азбука-Аттикус»
2010

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Гунель Л.

Бог всегда путешествует инкогнито / Л. Гунель — «Азбука-Аттикус», 2010

ISBN 978-5-389-15722-4

Книга «Бог всегда путешествует инкогнито» Лорана Гунеля, входящего в пятерку самых популярных беллетристов Франции, стала всемирным бестселлером, несколько лет возглавляла топ-листы продаж во Франции и была переведена на множество языков.Представьте себе: вы на краю пропасти. И в этот судьбоносный момент некий человек спасает вашу жизнь. Взамен вы даете ему обязательство следовать всем его указаниям. Это должно изменить вашу жизнь, сделав ее более радостной и счастливой. Это больше, чем роман, это размышление о себе, которое должно побудить вас взять судьбу в собственные руки.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-15722-4

© Гунель Л., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 48

Лоран Гунель
Бог всегда путешествует инкогнито

Laurent Gounelle
LES DIEU VOYAGENT TOUJOURS INCOGNITO
Copyright © S. N. Anne Carrière 2010
Published by arrangement with Lester Literary Agency
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».
© О. Егорова, перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018Издательство Иностранка®

***

Один из пяти самых продаваемых писателей Франции.
Переведен более чем на 30 языков!

***

В этом романе есть упоительные страницы, показывающие нам, как преодолеть наши страхи и запреты.
Эрик Пигани. Psychologies

История, которую рассказывает Гунель, потрясающая, она легко читается, настолько, что даже забываешь о времени. Эта книга встает в один ряд с произведениями Марка Леви и Гийома Мюссо.
Critiques libres

Гунекль объясняет нам основные принципы, необходимые для того, чтобы сделать нашу жизнь лучше, и заставляет нас задаться вопросами о нашем отношении к другим и к себе.
Biblioblogue

***

Жану-Клоду Гунелю (1932–2006).
Папа, мне так тебя не хватает…

Жизнь – это риск.
Если ты не рискуешь, ты не живешь. Это придает жизни… привкус шампанского.
Сестра Эммануэль

1

Теплая, нежная ночь обволакивала меня, несла куда-то, взяв на руки. И мое тело растворялось в ней. Мне казалось, что я плыву в воздухе.

Еще шаг…

Мне не было страшно. Ни капельки. Если я чего и боялся в последние дни, так только того, что страх вторгнется в мои мысли. Я не желал, чтобы он меня удержал и все испортил…

Еще шажок…

Я ожидал услышать шум города и очень удивился, что внизу так спокойно. Не тихо, нет… Спокойно. Все долетавшие снизу звуки были приглушенными и далекими, они убаюкивали меня, а глаза тонули в слабых отблесках ночных огней.

Еще один шаг…

Я медленно, очень медленно продвигался по стальной балке, которая в необычном освещении отливала золотом. В эту ночь мы с Эйфелевой башней слились в одно целое. Идя по золотистому металлу, я вдыхал незнакомые, пьянящие ароматы, разлитые в теплом и влажном воздухе. А в ста двадцати трех метрах внизу у моих ног распростерся Париж. Он манил, мигая ночными огнями, и ждал, когда моя кровь оплодотворит его.

Еще один шаг…

Я все взвесил и готов к тому, на что решился. Это мой выбор, и я его сделал. Я хладнокровно решил положить конец жизни без всякой цели и смысла. Такая жизнь – и это убеждение все больше зрело и крепло во мне – больше не принесет ничего, достойного внимания.

Еще шажок…

Все мое существование было чередой поражений, и начались они с самого рождения. Отец – его и назвать-то можно разве что родителем – не счел меня достойным знакомства с ним. Он бросил мать, едва она объявила ему о беременности.

Может, она надеялась от меня избавиться, когда отправилась в один из парижских баров топить отчаяние в вине? Но количество стаканов, выпитых в компании американского бизнесмена, не лишили ее ясности рассудка. Ему было тридцать девять, ей двадцать шесть. Она пребывала в унынии, а от него так и веяло бесшабашной уверенностью, и ее это успокаивало. Он производил впечатление человека зажиточного, а ей надо было выживать. И она, все прикинув и взвесив, в ту же ночь с надеждой предложила ему себя. Наутро она была так нежна и ласкова, что он, то ли по слабости, то ли совершенно искренне, пообещал, что в случае беременности она может сохранить ребенка, что он позаботится о них. Как вышло на самом деле, я уже никогда не узнаю.

Она поехала за ним в Штаты, и там, в стране изобилия, ни у кого не вызвало удивления, что я появился на свет в семь с половиной месяцев, а весил уже около трех кило… Мне дали местное имя, и я стал Аланом Гринмором, американским гражданином. Мама выучила английский и худо-бедно приспособилась к жизни в новом обществе. Все последующее было не таким радужным. Спустя пять лет мой новый отец потерял работу и, оказавшись один на один с экономическим кризисом, который наступил перед президентством Рейгана, начал пить. И пошло-поехало. Он становился все более мрачным, молчаливым, впал в депрессию. Мать раздражало его бездействие, она была глубоко задета и постоянно старалась его подначить, спровоцировать. Любой пустяк становился поводом для упреков. А полное отсутствие реакции супруга приводило к тому, что ее атаки становились все резче и уже граничили с оскорблениями. Возникало впечатление, что ей доставляло удовольствие, когда он наконец начинал огрызаться. Ее больше устраивали вспышки гнева, чем апатия. Меня эти игры пугали. Я любил родителей, и видеть, как они истребляют друг друга, мне было невыносимо. Вспышки отцовского гнева были редкими, но сокрушительными, и я их боялся, а мама, похоже, откровенно ждала.

Она наконец-то добивалась от него хоть какой-то реакции: выражения глаз, жеста. Она получала противника, который реально существовал и был способен ответить. Годами накопленная горечь получала возможность разрядки, и она буквально срывалась с цепи. Однажды вечером отец ее побил, и я был потрясен не столько самим насилием, сколько извращенным наслаждением, которое я прочел на лице матери. В ту ночь они ссорились особенно яростно, и мать бросила ему в лицо, что его сын – вовсе не его сын. Я все понял сразу… Наутро он ушел из дома, и больше мы его не видели. Мой второй отец тоже бросил меня.

Мама отчаянно боролась за наше выживание. Она работала шесть дней в неделю, проводя нескончаемые часы в прачечной. Каждый вечер с ней в дом приходили запахи химикатов и потом повсюду вились вокруг нее. Когда она приходила поцеловать меня на ночь, я не узнавал больше родного запаха мамы, который всегда обволакивал меня нежностью и успокаивал перед сном.

Еще шаг, еще один…

Потом она переходила с одной работы на другую, в надежде продвинуться и побольше заработать на жизнь. Она меняла любовников, в надежде удержать хоть одного из них и восстановить домашний очаг. Думаю, настал день, когда она поняла всю тщету своих попыток, и с этого момента она сосредоточилась на мне. Я преуспею там, где она потерпела фиаско. Я заработаю столько денег, что и ей тоже хватит. И отныне главной задачей для нее стало мое образование. Я был обязан приносить только хорошие оценки. Все наши разговоры за столом вертелись вокруг колледжа, преподавателей и результатов. Мама сделалась вожаком, а я ведомым. Я с рождения владел двумя языками, общаясь с ней по-французски, а с остальным миром по-английски. И она без конца повторяла мне, что в этом мое огромное преимущество. Несомненно, я стану бизнесменом международного значения или крупным переводчиком, может даже в Белом доме. Ну а почему нет? Только ничтожества ни к чему не стремятся и не имеют никаких амбиций. Когда-нибудь она увидит меня в кресле министра иностранных дел. Я очень боялся ее разочаровать и в классе старался, как мог. Мои многообещающие результаты укрепляли маму в ожиданиях и поддерживали ее стратегию.

Когда же мама узнала, что в Соединенных Штатах обучение платное и стоит очень дорого, это было для нее настоящим ударом. Я впервые видел ее до такой степени обескураженной. На миг мне даже показалось, что она пойдет по пути отца и опустится, как он. Рушились все ее планы, словно над ней тяготело проклятье. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы ее натура взяла верх. Ей удалось добиться встречи с директором лицея, и она отправилась убеждать его, что нельзя просто так оставить на обочине юного американского гражданина. Ведь мои блестящие успехи говорят о том, что я способен служить родине, если, конечно, мне дадут возможность достичь тех высоких должностей, которые обеспечивает университетское образование. Должен же быть какой-то выход: стипендия или еще что-нибудь? Когда она вернулась домой, ее просто распирало. Все оказалось очень просто: выход имелся и обозначался он пятью буквами: СПОРТ. Если я преуспею в спорте, то есть большая вероятность, что университет предоставит мне право поступления с тем, чтобы я вошел в спортивную команду и увеличил ее шансы на победу в турнирах.

И я начал усиленно тренироваться, не смея сознаться маме, что спорт всегда терпеть не мог. А она заставляла меня, подбадривала и дотошно фиксировала каждое мое достижение. Ее не смущало, что в прошлом мои спортивные оценки были очень средненькие. «Захочешь – сможешь», – то и дело повторяла она. Наконец нашелся вид спорта, в котором я не был хуже всех: бейсбол. И с тех пор моя жизнь пошла под знаком бейсбола. Чтобы меня вдохновить, мама пришпилила к стенке в моей комнате постер со звездами «Тигров», бейсбольной команды Детройта. Я завтракал, и у меня на кружке были выгравированы «Тигры». «Тигры» глядели отовсюду: с ключницы, с футболок, с тапочек, с халата, с авторучек… Я ел «Тигров», писал «Тиграми», мылся «Тиграми» и даже спал с «Тиграми». Кончилось тем, что бейсбол начал

мне сниться: маме удалось с афиш переселить его ко мне в мозг, и он заполонил там все пространство. Она сразу записала меня в районный бейсбольный клуб и стала брать дополнительную работу, чтобы оплатить мой членский взнос. Там я проводил как минимум по три часа в день, а по выходным – по пять. Крики нашего тренера до сих пор звенят у меня в ушах, а ведь прошло уже столько лет. А еще помню тошнотворный запах пота в раздевалке, когда ребята снимали форму после тренировки. Я ненавидел бейсбол, но очень любил маму и сделал бы все, что угодно, лишь бы ее не разочаровать. Она всю жизнь поддерживала в себе надежду, и мне казалось, что, если ей станет нечего больше ждать, она умрет.

Будущее показало, что я был прав: она умерла через несколько лет, на другой день после того, как я получил университетский диплом. Я остался один, с дипломом в кармане. Собственно, этого диплома я никогда всерьез и не добивался. В школьные годы я общался с ребятами, чьих вкусов и стремлений не разделял. Может, поэтому так и не обзавелся друзьями. В одном крупном предприятии мне предложили место специалиста по бухгалтерскому учету в работе с поставщиками. Зарплата была вполне приличной, но работа мне быстро наскучила. Однако я не впал в уныние, ибо ничего от нее и не ждал. На примере маминой жизни я очень быстро усвоил, насколько напрасны ожидания.

Еще шажок…

После нескольких лет бесцельного и пустого существования я вдруг взял и уехал во Францию. Что это было? Неосознанное желание вернуться к истоку? А может, мне захотелось вернуться, чтобы заново пересочинить незадавшуюся жизнь моей матери? Не знаю. Так или иначе, я оказался в Париже, а вскоре решил там остаться. Париж – красивый город, но я остался не из-за этого. Дело было в другом. В интуиции, в предчувствии, что он мне назначен судьбой. Тогда я еще не знал, что достаточно быстро мне захочется здесь умереть.

Я искал работу и записался на прием к начальнику бюро по трудоустройству «Дюнкер Консалтинг», которое занималось набором бухгалтеров для крупных предприятий. Он сразу заявил, что к бухгалтерской деятельности я непригоден, так как французская бухгалтерия в корне отличается от англосаксонской. Ничего общего.

– Все ваше обучение придется начинать с нуля, – сказал он и засмеялся, довольный тонким юмором своей фразы.

Впрочем, фраза никого больше не рассмешила. А у него от смеха затрясся двойной подбородок. Я застыл на месте. Однако, добавил он, мои общие познания в вопросе, вкупе с американской культурой, дают мне шанс сделаться в их бюро консультантом по найму. Их самые крупные клиенты – американские компании, и они должны оценить, что набор бухгалтеров к ним на работу доверен американцу.

– Но это невозможно, – возразил я. – Набор на работу – не моя специальность, и я в ней ничего не смыслю.

Он усмехнулся гадкой, порочной улыбкой, какая, наверное, появляется на губах старика, когда в последний момент перед объятием юная девушка вдруг заявляет ему, что она еще девственница.

– Об этом мы позаботимся, – произнес он с важным видом.

Меня взяли, и я на две недели отправился проходить интенсивный курс обучения вместе с другими новичками, которые претендовали на место в штате. Всем им было не более тридцати, и мне казалось, что для такой деятельности они слишком молоды. Для меня оценивать достоинства и степень пригодности кандидатов было все равно что их судить, и я с тревогой думал, как возьму на себя такую ответственность. Остальные вовсе не испытывали никакого страха, наоборот, они с явным удовольствием примеряли на себя солидный костюм чиновника, принимающего на работу, и относились ко всему очень серьезно. Они уже ощущали себя в должности. И вся группа при этом чувствовала принадлежность к элите. Гордыня не оставляла места сомнениям.

В течение пятнадцати дней нас обучали секретам и приемам профессии: как вести беседу с кандидатом, соблюдая простоту стиля и здравый смысл и прибегая еще к куче всяческих ухищрений, которые теперь мне кажутся полной глупостью.

Я усвоил, что, впустив кандидата в кабинет, надо несколько секунд помолчать. Если он заговорит первым, ты, несомненно, имеешь дело с лидером. Если же он терпеливо ждет, когда ему дадут слово, то он по характеру ведомый.

Нам надлежало открыто попросить его представиться:

– Расскажите о себе.

Но при этом не задавать наводящих вопросов. Если кандидат выпутается сам, значит он человек независимый. Если же он начнет спрашивать, с чего начать, с периода учебы или с последнего места работы, то ему явно не хватает инициативы и он будет слишком податлив.

Мы отрабатывали выученные приемы друг на друге, разбившись на пары, по технике ролевой игры. Одни становились чиновниками, другие кандидатами, тут же придумывали сценарий, причем консультант был волен изощряться, как мог, чтобы вывести кандидата на чистую воду.

Удивительно, какая атмосфера соперничества воцарялась во время этих упражнений. Каждый норовил подчинить себе другого, по большей части воспринимая его как лжеца, которого надо разоблачить, или как врага, которого надо сокрушить. Но самым забавным было то, что инструктор, консультант на жалованье в «Дюнкер Консалтинг», тоже входил в игру и испытывал злорадное удовольствие, заметив чью-нибудь ошибку или упущение. Его любимой фразой было:

– Ага, вот ты и попался!

Он произносил ее с насмешкой, он был в роли, пусть и понимал, что все это только игра. Разумеется, он знал, как заставить нас «попасться»…

Через неделю нам объявили, что мы вполне пригодны к службе.

И я начал проводить дни в бюро, выслушивая, как робкие просители, заливаясь краской от страха, пытались меня убедить, что их главные недостатки – это перфекционизм, чрезмерная строгость и тенденция к перегрузкам. Им даже в голову не приходило, что мне тоже страшно и что я тоже чувствую себя не в своей тарелке. Конечно, у меня шансов было больше, потому что моя роль в игре состояла в том, чтобы слушать, а не говорить. Но я всякий раз приходил в ужас, когда наступал момент безжалостно объявить девяти из десяти соискателей, что их досье не соответствует должности: у меня возникало впечатление, что я зачитываю им приговор. Мое смятение накладывалось на их смятение, и получался заколдованный круг, в котором неловкость только увеличивалась. Я задыхался в этой роли, да и обстановка в бюро не помогала снять напряжение. Человеческие ценности были не более чем фасадом, а на самом деле здесь царила жесткая и холодная конкуренция.

Выживать в такой обстановке мне помогала Одри. Я познакомился с ней в «Марьяж Фрер» на улице Гранд-Огюстен. Этот магазин был словно вне времени, и там я сразу чувствовал покой и умиротворение. Едва за тобой закрывалась дверь и под ногами начинали поскрипывать половицы старинного дубового паркета, ты окунался в изысканную атмосферу колониальной чайной лавки. Тебя обволакивали ароматы сотен сортов чая, заботливо хранящихся в старинных глиняных шкатулках, и ты переносился на Дальний Восток девятнадцатого века, где, наверное, не раз бывал в своем воображении. Стоит только закрыть глаза – и ты уже на борту трехмачтовой шхуны, нагруженной деревянными ящиками с драгоценными чайными листиками, и вот-вот отправишься бороздить моря и океаны. Пока я заказывал продавцу за прилавком сто граммов «Сакуры 2009», кто-то шепнул мне на ухо, что у «Сакуры империаль» вкус тоньше. Я обернулся. Странно: незнакомая девушка обращается ко мне в городе, где каждый пребывает в своей скорлупе и высокомерно игнорирует остальных. А она сказала:

– Не верите? Пошли, дам попробовать.

И, взяв меня за руку, потащила через зал, лавируя между покупателями и стойками со старинными чайниками, к маленькой лестнице наверх, в дегустационный салон. Там царила атмосфера интимной элегантности. Между столиками бесшумно и торжественно скользили официанты в светлых льняных костюмах. Я, с моей расхлябанностью, сразу почувствовал себя чужаком из другого времени. Мы уселись в уголке, за столик, покрытый белой скатертью, с серебряными приборами и фарфоровыми чашечками с изображениями знаменитостей. Одри заказала два чая, две горячие ячменные лепешки и «Солнечный удар», фирменное блюдо, которое, по ее мнению, мне непременно надо попробовать. Мы оживленно болтали, и я получал от этого огромное удовольствие. Она училась в Школе изящных искусств и снимала комнату в мансарде, под самой крышей.

– Вот увидишь, у меня такая крошечная комнатка, – сказала она, давая мне понять, что наше знакомство не прервется за дверями «Марьяж Фрер».

Комнатка оказалась очаровательная, с балками на потолке и маленьким окошком, выходившим на бесконечные скаты серых парижских крыш. Не хватало только лунного серпа, чтобы почувствовать себя в атмосфере диснеевского мультика «Коты-аристократы». Она разделась с непринужденной грацией, и я тотчас же влюбился в ее изящное и нежное тело. Такой плоти видеть мне еще не приходилось. Руки и плечи были такие тонкие и хрупкие… Невозможно поверить, что их хозяйка выросла на кукурузных хлопьях и усердно занималась спортом. Кожа ее светилась белизной и резко контрастировала с волосами, а грудь… боже мой, грудь была воистину божественна. Раз пятьдесят за ночь я благодарил ее, что она не стала прибегать к парфюму и дала мне возможность насладиться пьянящим, как наркотик, запахом ее тела. Эта ночь до самой смерти останется в моей памяти.

Мы проснулись на другое утро, и я помчался за круассанами. Единым духом преодолев ступеньки шести этажей ее жилища, я бросился в ее объятия, и мы снова любили друг друга. Впервые в жизни я испытывал новое, незнакомое чувство: я был счастлив. И даже не подозревал, что счастье станет предвестником удара, после которого я так и не оправлюсь.

Четыре месяца моя жизнь вращалась только вокруг Одри. Ею были полны мои дневные мысли и ночные сны. Занятия в Школе изящных искусств делали ее жизнь похожей на швейцарский сыр: то густо, то пусто, и в этой неровной консистенции было трудно выбрать свободное местечко, а потому Одри стала почти недостижима. Случалось, что время выпадало посреди недели днем, и тогда я сбегал с работы под предлогом встречи с клиентом, и мы проводили час-другой в номере отеля где-нибудь поблизости. Я чувствовал себя виноватым, но только чуть-чуть: счастье делает тебя эгоистом. Однажды я сидел у себя в бюро, когда мне позвонила Ванесса, наша секретарша, и сообщила, что меня ожидает клиентка. Я никого не ждал, но организация моего рабочего дня оставляла желать лучшего, а потому на всякий случай я пригласил клиентку войти. Уж лучше принять лишнего клиента, чем дать Ванессе повод придраться к моей неорганизованности. К тому же я не сомневался, что не пройдет и получаса, как об этом узнает шеф. За дверью послышались шаги, и на пороге я увидел Ванессу, а за ней – мою Одри. На ней был вязаный костюм, волосы забраны в конский хвост, а на носу красовались маленькие очки в металлической оправе. Очков я на ней никогда не видел. Но образ получился в яблочко: истинный гротеск, карикатура на бухгалтера. Осипшим голосом я поблагодарил Ванессу и закрыл за Одри дверь бюро. Она решительно сняла очки и скорчила недовольную гримаску. Ее намерения я разгадал сразу и похолодел: я достаточно хорошо ее изучил и знал, что ее ничто не остановит.

Ни разу мне еще не приходилось видеть письменный стол в таком ракурсе. Я умирал от страха, что нас кто-нибудь застанет. Сумасшедшая… Но за это я ее и любил.

Когда четыре месяца спустя Одри меня покинула, моя жизнь разом оборвалась. Не было никаких объяснений, ни малейших намеков на причину. Просто однажды вечером я обнаружил у себя в почтовом ящике маленький конверт. В письме было всего одно слово, написан-

ное таким знакомым почерком: «Прощай». Я замер у входа, так и не закрыв почтового ящика. Кровь застыла в жилах. В голове гудело. Меня сильно затошнило. Я еле добрел до старенького деревянного лифта и поднялся на свой этаж. Ни жив ни мертв, ввалился я в квартиру, хлопнулся на диван и разрыдался. Потом резко вскочил. Но этого не может быть! Этого просто не может быть! Наверное, это чей-то розыгрыш или еще какая-нибудь ерунда! Я бросился к телефону и попытался ей позвонить. Раз сто мне отозвался автоответчик, и с каждым разом его голос становился все отстраненнее и холоднее. Кончилось тем, что даже автоответчик перестал отвечать, наверное, я его перегрузил. И откуда-то из самых глубин сознания медленно выплыло знакомое чувство. Оно устроилось на поверхности, и я снова услышал его голос: это нормально, это совершенно нормально, что тебя бросили. Вот так-то. Против судьбы не попрешь, Алан…

Вот тут-то я и понял, что смерть пришла за мной. Нет, я не поддался секундному порыву, не побежал кидаться под поезд. До моего сведения просто довели, что жребий брошен. Я должен перейти черту. Надо только выбрать время и место. Меня никто не торопил, меня вовсе не одолевали какие-нибудь болезненные, мазохистские желания, и моей целью не было положить конец страданиям, как бы велики они ни были. Меня непреодолимо влекло туда, за черту, я странным образом чувствовал, что мое место там и туда рвется моя душа. А земная жизнь – это так, недоразумение. Здесь я все делаю шиворот-навыворот, и Одри послана мне, чтобы я познал невыносимую боль и наконец-то посмотрел судьбе прямо в глаза.

Место нашептала мне память, оно не случайно сохранилось в одном из ее закоулков. Одри как-то раз забыла у меня журнал, и я прочел там любопытную статью. Фамилию автора не помню: Дубровский, не Дубровский… Он излагает свою теорию о праве на самоубийство. Человек волен от него отказаться, но если уж не отказался, то кончай с жизнью красиво. Он описывает место, как нельзя лучше подходящее для этой цели. Эйфелева башня, пишет он, хорошо охраняется, но одна достижимая точка там все-таки есть. Надо подняться в «Жюль Верн», роскошный ресторан на третьем этаже, войти в женский туалет и толкнуть маленькую дверь слева от раковины. На двери написано «Служебное помещение», и она ведет в маленькую комнату, где хранятся лампы и детали для светящихся реклам. Окно в комнате не зарешечено и выходит прямо на крышу. Я вспомнил все эти детали так четко, словно прочел статью сегодня утром. Умереть на Эйфелевой башне… В этом есть что-то грандиозное. Это будет реванш за всю неудавшуюся жизнь.

Еще шаг…

Надо пройти еще чуть-чуть вперед, чтобы внизу не торчали никакие металлические конструкции.

У меня никого и ничего больше не осталось: ни друзей, ни родственников, ни радостей… Ничего, что могло бы заставить меня пожалеть… Я был готов душой и телом…

Последний шаг…

Ну вот… Место то самое… Надо собраться… Воздух здесь какой-то… сладкий, просто божественный нектар. Я был совершенно один, и сознание начало меня покидать… Глубокий вдох… И пошел потихоньку направо, к краю пропасти. Даже если не смотреть вниз, ее присутствие, ее красоту можно почувствовать…

Я нахожусь на высоте лебедки лифта «Жюля Верна». Вот она, передо мной, нас разделяют три метра небытия. Отсюда мне виден только кусочек крыши с желобом для кабеля. А дальше – пустота… Пустота… Окна ресторана выходят на другую сторону. Никто меня не видит. Из ресторанного зала не доносится ни единого звука. Только тихо бормочет внизу ночной город. Его огни переливаются, манят, завораживают… и теплый, пьянящий воздух обволакивает меня несказанным счастьем… Я больше не ощущаю своего тела, в голове никаких мыслей… Я уже не я. Я погрузился в пространство, в жизнь, в смерть… Я больше не существую, я неразличим… Я полностью слился с жизнью, я…

Рядом кашлянули…

Это мигом вернуло меня к действительности, как щелканье пальцев гипнотизера выводит пациента из транса.

Справа от меня, у самого бортика крыши, стоял человек и смотрел мне прямо в глаза. На вид ему было лет шестьдесят… В волосах седина, темный костюм… Взгляд его, в свете огней башни, казалось, шел ниоткуда. Всю жизнь буду помнить этот серо-стальной взгляд, от которого кровь холодела в жилах.

Во мне перемешались два чувства: удивление и гнев. Я же принял столько предосторожностей, чтобы меня никто не увидел, и был абсолютно уверен, что за мной не следят! А получилось, как в скверном фильме, когда в нужный момент вдруг появляется спаситель и предотвращает самоубийство.

Ладно, жизнь моя не удалась, ее захватили другие. Но смерть принадлежала только мне. Мне одному. Не могло быть и речи, чтобы позволить кому-то меня переубедить: мол, жизнь все равно прекрасна, а таких неудачников, как я, – пруд пруди, ну и так далее в том же духе… Все равно меня никто не поймет, да я и не прошу. Больше всего на свете мне хотелось остаться одному.

– Оставьте меня. Я свободный человек. Я сам знаю, чего хочу. Уходите.

Он молча смотрел на меня, и я стал смутно ощущать, что что-то пошло не так. Вид у него был уж больно… спокойный. Ну да, спокойный и невозмутимый!

Он поднес ко рту сигару:

– Давай, прыгай!

Его слова меня парализовали. Я ожидал чего угодно, только не этого. Что за тип? Извращенец? Он что, хочет увидеть мое фиаско, да еще этим и поиграть? Черт побери! И откуда он взялся на мою голову? Чем я провинился перед Богом, мать твою?.. Я взорвался. Долго сдерживаемое бешенство обожгло лицо. Ситуация сложилась невероятная. Этого не могло быть, не могло быть, не могло…

– Ну, чего стоишь? – послышался до жути спокойный голос. – Валяй, сигай!

Это меня доконало. Мысли окончательно смешались, и собрать их воедино уже не получалось.

Я смог только выдавить из себя:

– Вы кто? Что вам от меня нужно?

Он безмятежно вытащил изо рта сигару и долго следил за дымком, который легкими кольцами поплыл ко мне. Его взгляд буквально ввинчивался в меня, и я застыл на месте. Да, этот тип одним взглядом, наверное, мог бы согнуть Эйфелеву башню.

– Ты в бешенстве, но в глубине души очень страдаешь, – произнес он спокойно, с неуловимым акцентом, который я не смог распознать.

– Нетрудно догадаться.

– Ты отчаянно несчастлив, и тебе больше не хочется жить.

Его слова меня растревожили, и боль резанула с новой силой. Я чуть кивнул:

– Скажем так… у меня всю жизнь были крупные проблемы…

Он медленно, очень медленно выпустил сигарный дым:

– Крупных проблем не бывает. Бывают мелкие личности.

Во мне поднялась волна гнева. Кровь застучала в висках, и они запылали. Я сглотнул:

– Проще простого воспользоваться ситуацией и унизить меня. Вы кем себя возомнили? Вы-то уж, ясное дело, способны справиться со всеми своими бедами?

Спокойно, с невероятным апломбом, он процедил:

– Да. И с чужими тоже.

А мне вдруг стало плохо. Я ощутил себя в пустоте и почувствовал… что боюсь. Страх наконец добрался до меня и захватил целиком. Руки онемели. Только не смотреть вниз…

А он снова начал:

– Верно, если сиганешь, все проблемы улетучатся и ты вместе с ними… Вы друг от друга отделаетесь, так сказать, будете квиты. Однако ситуация тому не соответствует.

– Что вы хотите сказать?

– В очередной раз плохо будет тебе. А твоим бедам – хоть бы что. Ситуация неравновесна для разрешения.

– Когда прыгаешь с башни, не мучаешься. Шок так велик, что умираешь раньше, чем успеешь понять, что произошло. И никакой боли. Я справлялся, знаю.

Он тихо рассмеялся.

– А что тут смешного?

– Ну да, если исходить из гипотезы, что ты будешь еще жив, ударившись о землю… Вот тут ты и ошибаешься. Живым не финиширует никто.

Он сделал еще одну долгую затяжку. Мне становилось все хуже. Страшно кружилась голова. Сесть бы где-нибудь…

– На самом деле, – продолжил он, – все умирают во время падения, от разрыва сердца. От животного страха при виде земли, которая неотвратимо приближается со скоростью двести километров в час. Страх понуждает в приступе рвоты вытолкнуть из себя все внутренности, а потом рвется сердце. В миг смерти у всех глаза вылезают из орбит.

У меня подкосились ноги. Мне показалось, что я сейчас грохнусь в обморок. Голова кружилась все сильнее. Сердце пронзила острая боль. Главное – не смотреть вниз… Держаться прямо… Сосредоточиться на этом типе и не выпускать его из поля зрения.

– Я мог бы предложить тебе кое-что, – медленно заговорил он после долгого молчания.

Я ничего не ответил, жадно вслушиваясь.

– Что-то вроде сделки, – продолжил он, и слова поплыли в воздухе, как кольца дыма.

– Сделку? – пробормотал я.

– Ну да. Ты останешься жить, а я позабочусь о тебе, наставлю на путь истинный и сделаю из тебя человека, способного управлять своей жизнью. Ты сам научишься разрешать свои проблемы и в конечном итоге станешь счастливым. А взамен…

Он снова выпустил дым сигары и продолжил:

– Взамен ты берешь на себя обязательство делать то, что я скажу. А гарантом будет… твоя жизнь.

Это предложение меня очень смутило и усилило донимавшую меня дурноту. С большим трудом мне удалось сосредоточиться, собраться и хоть как-то его осмыслить.

– Что вы имеете в виду? Что такое «гарантом будет жизнь»?

Он снова помолчал.

– Ты должен будешь соблюдать обязательство.

– Иначе?

– Иначе… не останешься в живых.

– Чтобы принять такие условия, надо быть сумасшедшим!

– А что тебе терять?

– А ради чего мне отдавать свою жизнь в руки незнакомого человека в обмен на гипотетическое счастье?

На его лице появилось выражение, какое бывает у шахматиста, когда он понимает, что противник в цейтноте.

– А что ты получишь в обмен на реальную, не гипотетическую смерть? – сказал он, описав круг огоньком сигары.

Я проследил глазами за его рукой и понял, какую ошибку совершил: голова снова отчаянно закружилась. Пропасть за бортиком крыши ужасала и в то же время притягивала и звала, обещая избавить от омерзительной тоски, охватившей меня. Мне захотелось растянуться на

балке крыши и лежать, не шевелясь, в ожидании помощи. По телу побежала неистовая, невыносимая дрожь, которую я не мог унять.

Дождь…

Пошел дождь… О господи… Теперь крыша станет скользкой, как каток. Пять метров крыши отделяют меня от незнакомца, от окна, от спасения… Пять метров покатой, скользкой крыши. Надо сосредоточиться. Собраться. Прежде всего – держаться прямо. Перевести дыхание. Надо потихоньку повернуться направо, но… ноги меня не слушаются. Подошвы словно прилипли к металлу. Я слишком долго оставался в одной позе, и от этого мышцы одеревенели. Головокружение не отпускало, как злой колдун не выпускает жертву. Ноги начали дрожать все сильнее, и унять эту дрожь не было никакой возможности. Я быстро терял силы.

Лебедка…

Раздался шум вызванного кем-то лифта. Колесо лебедки завертелось и стало разбрызгивать воду. По мере того как лифт спускался, набирая скорость, колесо вертелось все быстрее. Меня обдавало холодными брызгами, вода заливала глаза, попадала в уши. Я потерял равновесие и присел, а водопад все лился на меня… Сквозь шум воды пробился властный голос незнакомца:

– Иди сюда! Открой глаза! Ставь ступни вот тут, одну перед другой!

Я повиновался, стараясь слушать только его приказания и забыть все свои мысли и чувства, как бы они меня ни захватили. Шаг, еще шаг… Я шел, как робот, механически выполняя каждое указание. И вот мне удалось выбраться из-под водяных струй и чуть продвинуться вперед. Совершенно ошалевший, я стоял теперь почти на уровне незнакомца. Я уже занес ногу, чтобы перешагнуть поперечную балку, которая нас разделяла. И тут он с силой схватил меня за протянутую к нему мокрую, дрожащую руку и удержал. Я так удивился, что вскрикнул, снова потерял равновесие и качнулся к пропасти за бортиком крыши. Но его железная рука держала меня крепко.

– Ну как, принимаешь условия?

Вода сбегала по морщинам, избороздившим его лицо, голубые глаза притягивали и завораживали.

– Да.

2

На следующее утро я проснулся в своей постели, с наслаждением закутавшись в теплое, сухое одеяло. Сквозь ставни пробивался солнечный луч. Вылезать из теплого кокона не хотелось, и я бочком подкатился к ночному столику, выпростал из-под одеяла руку и нашарил визитную карточку, которую туда положил перед сном. Расставаясь, мой странный знакомый сказал:

– Приходи завтра к одиннадцати.

Ив Дюбре
23, авеню Анри-Мартен
75116 Париж
Телефон: 01 47 55 10 30

Я не знал, что меня ждет, а потому особой уверенности не испытывал.

Взяв трубку, я позвонил Ванессе и попросил ее отменить на сегодня все встречи: я совсем разболелся и не знаю, когда поправлюсь. Покончив с этим, залез под душ и стоял, пока не кончилась горячая вода в резервуаре.

У меня была съемная двухкомнатная квартира на Монмартре. Ее цена явно не соответствовала крошечным размерам, но зато какой вид открывался отсюда! В периоды хандры я часами просиживал у окна, и мои глаза тонули в бесконечной панораме домов и памятников. Я представлял себе судьбы и занятия людей, живущих в этих домах. Их было так много, что, наверное, каждый час, днем и ночью, что-нибудь происходило: люди работали, спали, занимались любовью, умирали, ссорились, просыпались… Я говорил себе «пуск!» и пытался понять, сколько людей в этот момент рассмеялись, расстались с супругами, вступили в игру, расплакались, умерли, улеглись спать, влюбились с первого взгляда… Какие разные чувства, и ведь все они пережиты в одно и то же время, в один миг!

Я снимал квартиру у пожилой дамы, мадам Бланшар, которая, на мою беду, жила как раз подо мной. Она овдовела лет двадцать назад, но можно было подумать, что она все еще в трауре. Ревностная католичка, она по нескольку раз в неделю ходила в церковь. И в воображении мне часто рисовалось, как она, став на колени в старинной деревянной исповедальне в церкви Сен-Пьер де Монмартр, нашептывает сквозь решетку все услышанные накануне сплетни. Наверное, и о моих прегрешениях тоже докладывает: всякий раз, как я превышаю допустимый уровень шума, то есть полную тишину, она поднимается ко мне наверх и яростно колотит в дверь. Я приоткрываю дверь и в щелку вижу ее раздраженное лицо, а она мне пеняет и призывает уважать правила общежития. Интересно, как ей удается расслышать такие ничтожные звуки, как падение сброшенного ботинка или стук поставленного на столик бокала? К несчастью, в старости слух у нее не ослабел. А может, у нее к потолку приделан медицинский стетоскоп и она, встав на табуретку, прислушивается ко всем звукам, доносящимся сверху?

Она неохотно сдала мне квартиру, предупредив, что делает мне особое одолжение: как правило, иностранцам она не сдает, но американцы во время войны вызволили из плена ее мужа, и для меня она сделала исключение. Я же должен стараться быть достойным такой чести.

Нечего и говорить, что Одри никогда у меня не оставалась. Я опасался, что к нам заявятся агенты инквизиции в черных сутанах и в надвинутых на лица капюшонах, подвесят голенькую Одри на крюк к потолку, закуют ей ноги и руки в цепи и станут поджаривать на медленном огне.

В то утро я вышел, аккуратно прикрыв дверь, и спустился с пятого этажа. Со дня расставания с Одри мне ни разу не было так легко, хотя объективных причин для улучшения самочувствия не было никаких. Ничего не изменилось. Впрочем, не совсем: мной кто-то заинтересовался, и каковы бы ни были его намерения, это проливало бальзам на мое сердце. Под ложечкой посасывало, точь-в-точь как по дороге в бюро, когда я знал, что мне предстоит выступать перед людьми.

Выходя, я наткнулся на Этьена, местного клошара. У нашего подъезда было крыльцо со ступеньками и площадкой, и он имел обыкновение прятаться внизу, под лесенкой. Из-за него постоянно страдала совесть мадам Бланшар, поскольку ей приходилось разрываться между христианским милосердием и страстью к порядку. В это утро Этьен вылез из своего убежища и грелся на солнышке, прислонив нечесаную голову к стене дома.

– Хорошая сегодня погода, – сказал я, проходя мимо.

– Уж какая есть, мой мальчик, – хрипло отозвался он.

Я спустился в метро, и один вид перекошенных лиц парижан, идущих на работу, как на битву, снова нагнал на меня тоску.

Выйдя на станции «Рю-де-ла-Помп», я очутился в одном из фешенебельных кварталов и сразу ощутил разницу между спертым воздухом подземелья и свежим ароматом зелени, царящим здесь. Наверное, дело было в малом количестве машин и в близости Булонского леса. Авеню Анри-Мартен оказалась красивой, слегка изогнутой улицей с четырьмя рядами деревьев, в центре и по краям, и роскошными домами из резного камня. Дома прятались за высокими, черными с золотом, коваными заборами. Прохожих было мало: несколько элегантных

дам и куда-то спешащих господ. Определить их возраст не представлялось возможным: уж очень искусные косметологи поработали над лифтингом. Лицо одной из дам навеяло воспоминания о Фантомасе, и я подумал: интересно, что они выигрывают, избавляясь от следов времени? Может, хотят походить на инопланетян?

Поскольку я пришел очень рано, то зашел в кафе перекусить. Я уселся у окна и стал ждать, вдыхая запах круассанов и свежесваренного кофе. Официант не спешил ко мне подходить и сделал вид, что не замечает моего призывного жеста. Пришлось ему крикнуть, и он, ворча, подошел. Я заказал горячий шоколад и тартинки и стал от нечего делать листать «Фигаро», лежавшую рядом на мраморном столике. Мне принесли дымящийся шоколад, и я набросился на тартинки из свежего хлеба с маслом. А у стойки уже вовсю шла оживленная беседа. В парижских кафе особая обстановка. В Соединенных Штатах вы нигде не найдете такого аромата искреннего, непосредственного веселья.

Прошло полчаса, и я снова отправился в путь. Авеню Анри-Мартен – улица длинная, и по дороге я размышлял об Иве Дюбре. Что заставило этого человека предложить мне такое необычное соглашение? Так ли уж безобидны его цели, как он утверждает? Его поведение по меньшей мере двусмысленно, и доверять ему трудно. Чем ближе я подходил к его дому, тем больше росла во мне тревога.

Проходя мимо домов, один другого краше, я сверялся с номерами и уже подошел к двадцать пятому. Дом Дюбре должен быть следующим, но на номере двадцать пятом жилые доходные дома закончились. Густая зелень за черной с золотом решеткой скрывала здание. Я подошел ближе к подъезду. Номер двадцать три оказался роскошным особняком из резного камня. Достав из кармана визитку, я сверился с адресом. Все правильно. Впечатляет… Это что, действительно его дом?

Я позвонил. В тот же миг включилась маленькая камера видеофона за стеклом, женский голос пригласил меня войти, и электронный дверной замок открылся. Не успел я сделать и нескольких шагов по саду, как на меня с лаем вылетел огромный черный доберман. Глаза его угрожающе горели, с клыков капала слюна. Я проворно отскочил в сторону, цепь, к которой он был пристегнут, резко натянулась, и ошейник сдавил ему горло. Пес закашлялся, забрызгав слюной мои ботинки, и молча повернул на 180 градусов. Видимо, ему вполне хватило того факта, что я ужасно испугался.

– Прошу тебя, не сердись на Сталина, – сказал, подходя ко мне, Дюбре. – Вот несносный пес!

– Его зовут Сталин? – пробормотал я, пожимая ему руку.

Пульс у меня выколачивал ударов под сто сорок.

– Обычно его спускают с цепи только по ночам, а днем, когда кто-нибудь является с визитом, он просто выскакивает поразмяться. Визитеров он, конечно, изрядно пугает, но зато они потом делаются более покладистыми… Пойдем.

И он двинулся вперед, приглашая меня в просторный мраморный холл, где гулко отдавался его голос.

Холл поражал высотой потолка. На стенах висели огромные картины в старинных золоченых рамах.

Лакей в ливрее принял у меня куртку. Дюбре направился к монументальной лестнице из белого мрамора, я за ним. По центру лестницы висела величественная люстра с черными хрустальными подвесками, которая весила, наверное, втрое больше меня. Поднявшись на этаж, Дюбре вошел в коридор, завешанный коврами и картинами, где на стенах красовались канделябры. У меня создалось впечатление, что я попал в старинный замок. Хозяин шел впереди и говорил так громко, словно я был от него метрах в десяти. Темный костюм выгодно оттенял седину. Непокорные серебряные пряди придавали ему сходство с пылким дирижером. Открытый ворот белоснежной рубашки украшал шелковый платок.

– Пойдем ко мне в кабинет. Там будет уютнее.

– Хорошо.

Уюта мне как раз очень недоставало. Дом был, конечно, потрясающий, но совершенно не располагал к доверительной беседе.

Кабинет и вправду показался мне уютным. Глаз приятно отдыхал на старинных книжных шкафах, где стояли книги, тоже по большей части старинные. Плотный персидский ковер покрывал набранный в версальском стиле паркет. Тяжелые шторы в темно-красных тонах приглушали звуки. У окна стоял большой письменный стол красного дерева, обитый черной кожей с тонким золотым тиснением по краям. На нем высились несколько стопок книг и документов, а посередине, лезвием прямо на меня, угрожающе торчал огромный серебряный нож для разрезания бумаг. Этакое орудие убийства, которое преступник забыл, впопыхах покидая место преступления. Дюбре усадил меня в одно из темно-коричневых кожаных кресел, стоявших возле стола.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросил он, наливая себе виски.

– Нет, спасибо. Не сейчас.

Кубики льда потрескивали, опускаясь на дно бокала.

Он спокойно устроился в кресле и отпил глоток, а я пытался понять, что же меня ожидает.

– Ладно, слушай. Вот что я хочу тебе предложить. Сегодня ты начнешь с того, что расскажешь мне о своей жизни. Ты говорил, у тебя куча неприятностей. Я хочу знать все. Не будем строить из себя юных недотрог. Не бойся мне довериться. Я в своей жизни повидал столько гнусностей, что меня уже ничем не удивишь и не шокируешь. Но и не пытайся прибавлять подробностей, чтобы оправдать то, что ты пытался сделать вчера. Я должен разобраться в твоей истинной личной истории…

Он замолчал и отпил еще глоток.

Было что-то непристойное в том, чтобы рассказать свою жизнь незнакомому человеку, позволить ему заглянуть по другую сторону ежедневной рутины: работы, разговоров, деловых встреч. Я боялся ему довериться, словно в результате он получит надо мной особую власть, но в конце концов решился, перестал мучить себя вопросами и заговорил. Наверное, я согласился открыться еще и потому, что не чувствовал себя «на ковре». Меня никто не судил. Надо было принимать условия игры, в которую я вступил. И потом, если уж ты перешагнул через стыд, все-таки здорово, что у тебя есть по-настоящему внимательный слушатель. В жизни нечасто выпадает такая возможность. Чувствовать, что кто-то действительно хочет тебя понять, проследить все изгибы твоей мысли и глубины души… Такая прозрачность личности освобождает и в какой-то мере возбуждает.

В замке, как я про себя назвал жилище Дюбре, я провел весь день. Дюбре говорил мало и необыкновенно внимательно меня выслушивал. Мало кто из людей способен так долго сосредоточивать внимание на чем-то одном. Спустя час или два с начала нашей беседы к нам вошла дама лет сорока на вид. Он сдержанно представил ее:

– Это Катрин, я ей полностью доверяю.

Дама была сухопарая, уныло одетая, тусклые волосы небрежно забраны в узел. Похоже, вид ее означал презрение ко всем женщинам на свете. Она вполне могла бы быть дочерью мадам Бланшар; по крайней мере, их роднил темперамент. Она пришла просить совета у Дюбре, показав ему несколько строчек, написанных на листке бумаги. Мне их разглядеть не удалось. Для жены она вела себя слишком холодно и отстраненно. Кто же она? Сотрудница? Ассистентка?

Наш разговор, точнее мой монолог, возобновился через час после обеда. Обедать мы спустились в сад, в беседку, что было очень удивительно в самом центре Парижа. Катрин присоединилась к нам, но особой словоохотливостью не отличалась. Зато должен сказать, что Дюбре болтал без умолку, сам задавая вопросы и сам на них отвечая, словно стремился вознаградить

себя за долгое молчание. За столом прислуживал другой лакей, не тот, что встретил нас в холле. Экспансивные манеры Дюбре резко отличались от спокойной сдержанности прислуги. Он за словом в карман не лез, и это успокаивало меня куда больше, чем его пристальные и тревожные взгляды, которые я ловил на себе, когда он меня слушал.

– Ты не будешь возражать, если Катрин останется с нами после обеда? Она – мои глаза и уши, а зачастую и мой мозг, – прибавил он, смеясь. – У меня от нее секретов нет.

Ловкий способ проинформировать меня о том, что было заранее запланировано.

– Нет, конечно, – соврал я.

Он предложил прогуляться по саду, чтобы немного размяться. Думаю, ему надо было осмыслить то, что он услышал.

Потом мы втроем вернулись в кабинет. Я чувствовал себя немного не в своей тарелке, однако Катрин относилась к породе людей, чья подчеркнуто нейтральная позиция заставляет быстро забыть об их существовании.

Уже вечером, часов в семь, мы исчерпали тему моей злополучной жизни. Катрин сразу ушла.

– Мне надо над этим поразмыслить, – задумчиво сказал Дюбре. – Так или иначе, я извещу тебя о твоем первом задании. Оставь мне свои координаты.

– О моем первом задании?

– Ну, если хочешь, о твоей первой миссии. О том, что ты должен сделать, ожидая следующих инструкций.

– Я не уверен, что понял…

– Ты воспринимал окружающее так, как оно в тебе запечатлелось, сообразуясь с твоим видением мира, с твоими взаимоотношениями с другими людьми, с твоими эмоциями… В результате, честно говоря, дело не пошло. На тебя свалилась куча бед, и ты почувствовал себя несчастным. Если так и будешь продолжать, жизнь твоя будет очень тусклой. Надо срочно что-то менять…

У меня возникло ощущение, что он размахивает скальпелем и намерен тут же, не сходя с места, вскрыть мне мозги. А он продолжил:

– Об этом можно говорить часами, но все будет впустую, пока сам не поймешь причину своих бед. И так и останешься несчастным неудачником… Видишь ли, когда компьютер дает сбой, надо ставить новые программы.

– Беда только в том, что я-то не компьютер.

– Ну, во всяком случае, главное ты схватываешь: тебе надо пройти серию испытаний, которые изменят твой взгляд на жизнь и помогут преодолеть все страхи, сомнения и тревоги.

– А где доказательства, что вы сможете меня правильно… перепрограммировать?

– Ты принял мои условия. Бесполезно задавать вопросы. От этого станет только еще страшнее, а страхов у тебя, насколько я понял, полно.

Я молча глядел на него и размышлял. Он спокойно выдержал мой взгляд, тоже не говоря ни слова. Эти несколько секунд показались мне часами. Наконец я прервал молчание:

– Кто вы, господин Дюбре?

– Ох, я и сам иногда задаю себе этот вопрос, – сказал он, поднимаясь с места и направляясь в коридор. – Пойдем, я тебя провожу. Кто я? Кто же я? – декламировал он на ходу, и его мощный голос гулко раздавался на просторной лестнице.

3

На следующую ночь мне приснился кошмар, хотя с самого детства кошмары меня не мучили. Мне снилось, будто я нахожусь в каком-то странном особняке. На дворе ночь. И Дюбре тоже тут, рядом со мной. Стены огромного зала высоченные и черные, как в каземате.

В канделябрах еле теплятся свечи, распространяя вокруг себя слабый, неверный свет и запах старого пригоревшего воска. Дюбре сверлит меня своим пронзительным взглядом, в руке у него какая-то бумага. На стоящей чуть поодаль Катрин не наблюдается ничего, кроме черного белья и туфель на высоких каблуках, волосы завязаны в конский хвост. В руке у нее длинная плетка, которой она время от времени с неожиданной силой щелкает по полу, испуская при этом сиплый вопль, как теннисист, посылающий мяч. Перед ней сидит Сталин и лает при каждом щелчке плетки. Дюбре не сводит с меня глаз. У него вид человека, который сознает свое всемогущество. Он протягивает мне листок бумаги:

– Держи! Вот твоя миссия!

Я трясущейся рукой беру бумагу и подношу ее к свечам, чтобы прочесть. Имена. Список имен, и напротив каждого адрес.

– Что это?

– Ты должен их убить. Всех. Это твоя первая миссия. Первая.

Плетка Катрин щелкает особенно громко, и Сталин заходится лаем.

– Но я ведь не преступник! Я не хочу никого убивать!

– Это будет тебе во благо, – говорит он, скандируя каждое слово.

Меня охватывает паника. Ноги подкашиваются, челюсть начинает дрожать.

– Ни за что. Я… я совсем не хочу… совсем. Не хочу!

– Надо! Поверь мне, – произносит он вкрадчивым голосом, – все это из-за твоей истории, понимаешь? Только во мраке ты поймешь, как выбраться из мрака. Не бойся.

– Не могу, – шепчу я. – Не могу…

– У тебя нет выбора.

Голос его становится все настойчивее, взгляд все пронзительнее. Он медленно приближается ко мне.

– Не подходите! Я хочу выйти отсюда!

– Не сможешь. Слишком поздно.

– Отстаньте!

Я бросаюсь к высокой двери зала. Заперто. Я изо всех сил дергаю за ручку.

– Откройте! – ору я, молотя по двери кулаками. – Откройте дверь!

Дюбре медленно приближается. Я прислоняюсь к двери спиной, сложив руки крестом:

– Вы не можете меня заставить! Я никого не стану убивать!

– Вспомни: ты ведь дал согласие!

– А если я возьму его назад?

Мой ответ вызывает у Дюбре взрыв хохота. Демонического хохота, от которого в жилах стынет кровь.

– В чем дело? Что вас так насмешило?

Скривив губы в гримасу, он оборачивается к Катрин. Она смотрит на меня, и на ее лице расплывается мерзкая улыбка, от которой меня начинает тошнить.

– Если ты берешь свои слова обратно… – начинает он медленно, с макиавеллиевской усмешкой, и тусклое пламя свечей отбрасывает на его лицо дьявольский отблеск, – если ты берешь свои слова обратно, я вношу тебя в список и отдаю его… кому-нибудь другому…

В этот момент я чувствую, что ручка двери у меня за спиной поворачивается. Я выскакиваю за дверь, отпихиваю слугу и бросаюсь бежать.

А за мной жутким эхом несется, раздаваясь на лестнице и в коридоре, голос Дюбре:

– Ты дал согласие! Ты дал согласие! Ты дал согласие!

Я проснулся, как от толчка, задыхаясь, весь в поту. Вид привычных предметов вокруг понемногу вернул меня к действительности.

Я испытывал облегчение оттого, что все это было только во сне, и одновременно тревогу, как бы события и на самом деле не приняли тот же оборот. Ведь мне же ничего не известно ни о самом Дюбре, ни о его истинных намерениях… Я ввязался в игру, не зная ни правил, ни конечной цели. Ясно только одно: я не могу из нее выйти. Это правило я уразумел и принял его очертя голову…

Часы показывали шесть. Я встал и медленно начал собираться на службу. Жизнь брала свое, надо было возвращаться на работу, хотя уже сама перспектива вновь оказаться в этом осином гнезде приводила в уныние.

При моем появлении Ванесса вскочила и просеменила за мной по коридору в кабинет.

– Я не знала, придешь ты сегодня или нет, но, в ожидании вестей от тебя, постаралась принять твоих посетителей. Между нами, Фостери был не слишком доволен твоим вчерашним отсутствием. Но я встала на твою защиту. Я ему сказала, что голос у тебя в телефоне был замогильный и ты, по-видимому, серьезно болен. К слову говоря, если бы не я, он бы тебе никогда не поверил.

– Спасибо, Ванесса, это очень мило.

Ванесса обожала ситуации, в которых она могла явить миру свою незаменимость, и в этой страсти доходила до того, что сама их создавала. Я никогда не узнаю, заметил ли вообще Фостери мое отсутствие… С нее станется, она могла пойти и на двойную игру: побежать, например, к нему, доложить о моей немотивированной отлучке и там тоже заслужить похвалу… Я опасался ее, как чумы.

Люк Фостери, директор по персоналу бухгалтеров и финансистов, находился в подчинении у главы подразделения Грегуара Ларше. «Дюнкер Консалтинг» по всем признакам была лидером по человеческим ресурсам в Европе, где у нее имелись два крупных ответвления: вербовка и формирование. Предприятие разместило свои акции на Бирже месяца за два до моего появления. Это составляло гордость нашего президента, который отныне считался лидером по показателям индекса CAC 40[1], хотя предприятие и насчитывало всего несколько сотен штатных сотрудников, представителей трех стран. Первое, что он сделал после этого, было приобретение престижной служебной машины с шофером. Надо было с толком употребить только что полученные деньги. Во вторую очередь он нанял телохранителей, словно котировка предприятия на Парижской бирже сразу сделала директора лакомым кусочком для местных воров. Охрана в темных костюмах и черных очках следовала за ним повсюду, постоянно оглядываясь по сторонам, как будто высматривала притаившихся на крыше снайперов. Но истинные перемены, последовавшие за этим событием, лежали в нематериальном русле: атмосфера менялась со дня на день. Теперь все глаза были прикованы к синей линии, обозначавшей курс акций. Поначалу все включились в игру. Мы с энтузиазмом следили за его явным повышением. Но скоро игра стала настоящим наваждением для всех наших менеджеров. Правда, мы должны были каждый триместр публиковать свои результаты, и, ввиду весьма скромных показателей, затея провалилась. Дирекция регулярно распространяла в прессе коммюнике, но нельзя же поминутно сообщать о хороших новостях. Так не бывает, чтобы работа предприятия сопровождалась одними сенсациями, да к тому же надо все время быть в курсе всех событий, «прессовать прессу», как говорит наш президент. Кормить прессу только блестящими результатами опасно: сначала станешь жертвой, а потом рабом. За годы работы предприятие заметно набрало в профессионализме, в серьезности подхода и в качестве обслуживания клиентов. Раньше каждое удачное трудоустройство клиента становилось предметом особой заботы. Все силы бросались на то, чтобы отыскать настоящую жемчужину, кандидата, который обладал бы не только

[1] CAC 40 (Cotation Assistée en Continu) – важнейший фондовый индекс во Франции, который высчитывается как среднее арифметическое значение цен акций 40 крупнейших компаний, торгующихся на бирже Euronext Paris. *(Примеч. перев.)*

нужными качествами, но и характером и темпераментом, позволяющим освоиться с новыми обязанностями и преуспеть в доверенной ему миссии.

После вступления в ряды Биржи все разом переменилось: эти задачи отошли на второй план. Главными стали цифры, которые сообщались прессе в конце триместра, количество принятых клиентов. Вся организация работы была пересмотрена. Помимо приема клиентов, консультанты теперь занимались и изучением рынка сбыта. Надо было быстро находить новых клиентов, заключать новые контракты, рапортовать о новых цифрах. Отныне инструкция гласила, что надо тратить минимум времени на переговоры по поводу приема на работу и максимум – на изучение рынка. Ремесло, по сути, себя исчерпывало и постепенно теряло благородные черты, которые приобрело в моих глазах.

И взаимоотношения между коллегами тоже изменились: дух коллективизма, команды, царивший в первые месяцы, уступил место безудержному эгоизму. Каждый теперь играл за себя, и в этом смысле наша жизнь все больше напоминала спортивные соревнования. Было ясно, что предприятие на этом теряет, поскольку каждый, чтобы выпутаться из очередной неприятной ситуации, норовил вставить палки в колеса другим, в ущерб интересам команды. И конечно, больше не судачили возле кофейного автомата, обсуждая какой-нибудь очередной ляпсус или ложь, слетевшую с уст кандидата, а ведь эти моменты были так важны для ощущения причастности к общему делу и мотивации служения его интересам.

В конце концов, что есть предприятие, как не общность людей, разделяющих одни чувства в ходе работы над одним проектом? А может, в проект не входило заставлять некое множество людей карабкаться наверх. И то, что нас заставили конкурировать друг с другом, вовсе не способствовало возникновению положительных эмоций…

Зазвонил телефон. Ванесса объявила мне, что первый из назначенных явился. Я заглянул в ежедневник: на сегодня назначено семеро. День обещал быть длинным…

Я быстро открыл электронную почту. За один день отсутствия накопилось сорок восемь писем. Я сразу кликнул одно, пришедшее от Люка Фостери. Как обычно, ничего существенного. Лаконичное послание:

Надо наверстать упущенное за день вашего отсутствия. Довожу до вашего сведения, что вы отстаете по показателям за месяц.

Сердечно ваш

Л. Ф.

Это «сердечно ваш», набранное шрифтом автоматического клише, выглядело на экране совершенно неуместно. Копии разосланы Грегуару Ларше и всем моим коллегам. Вот так номер!

Я пригласил кандидата войти, и собеседование началось. Я никак не мог сосредоточиться на своих обязанностях и ушел из офиса уже перед рассветом, абсолютно убежденный, что ноги моей там больше не будет. Мой мозг подвел черту и вычеркнул эту работу из будущего. Я продолжал жить, а все данные о ней восстановлению не подлежали. Это место казалось мне чужим, а мое присутствие здесь – бессмысленным. Я там находился только физически.

Мне удалось ускользнуть около семи часов. Вот чудо! Едва я вышел на улицу Оперы, как на тротуаре ко мне подошел человек в блейзере цвета морской волны. Ни дать ни взять – зеркальный шкаф. Водянистые, невыразительные голубые глаза, плоские, совсем без скул, щеки… Я инстинктивно отпрянул.

– Господин Гринмор?

Я чуть помедлил и ответил:

– Да…

– Господин Дюбре вас ждет, – сказал он, небрежно махнув в сторону черного «мерседеса», стоявшего под парами у тротуара.

Тонированные стекла мешали разглядеть, кто сидит внутри. Я с опаской шагнул за человеком в блейзере, и он распахнул передо мной заднюю дверцу. Сердце у меня слегка сжалось, когда я забирался в автомобиль. Внутри пахло кожей. Дюбре оказался рядом со мной, но машина была просторная, и между нами оставалось изрядное расстояние. Прежде чем «зеркальный шкаф» закрыл дверцу, я успел поймать любопытный взгляд Ванессы, которая как раз выходила из офиса.

Дюбре молчал. Минуту спустя «мерседес» тронулся с места.

– Поздно заканчиваешь, – проворчал Дюбре.

– Бывает, что и позже, иногда после девяти, – отозвался я, довольный, что могу нарушить молчание.

Однако молчание снова воцарилось.

– Я много размышлял о тебе, – начал он наконец. – У тебя действительно проблема на проблеме. И главная в том, что ты боишься людей. Не знаю, сознаешь ли ты это, но ты не решаешься ни себя преподнести, ни ясно выразить свои желания. Тебе очень трудно противиться чужой воле и решительно высказать несогласие. Короче, ты живешь не своей жизнью, а все время находишься под чьим-то влиянием, пугаясь чужой реакции. А потому первое задание, которое я тебе дам, будет заключаться в том, чтобы заставить тебя пересилить собственную нерешительность и научиться ясно выражать свои желания и добиваться того, что хочешь.

Затем тебе надо понять, что не стоит стремиться соответствовать чужим представлениям о тебе, подстраиваться под чужие критерии и чужие ценности. Смело заявляй о своем несогласии, даже если это тебе вредит. Короче, перестань ориентироваться на мнение других и научись не обращать на него внимания.

Когда же ты полностью осмыслишь свою самость, то сможешь и понять индивидуальность других, и, если надо, к ней приспособиться. Ты легче станешь общаться, входить в контакт с незнакомыми людьми и создавать атмосферу доверия. Тебя станут принимать те, кто от тебя очень далек. Но для начала тебе надо понять, что именно делает тебя неповторимым, иначе так и будешь тушеваться на фоне других.

Я собираюсь научить тебя убеждать, и ты сумеешь добиваться своего. А потом научу дерзать, пробовать, реализовать идеи и осуществлять мечты. В общем, я хочу уничтожить тот ошейник, что душит тебя. Ты не отдаешь себе в этом отчета, но он тебя полностью сковывает. Я хочу тебя от него избавить, чтобы ты зажил собственной жизнью и прожил ее полноценно.

– Но вы, конечно, скажете, что я должен что-то сделать, чтобы понять все это?

– А ты думаешь, что, если продолжишь свою жалкую жизнь, что-то для тебя изменится? Ты же видишь, к чему она привела…

– Спасибо, что напомнили, а то я забыл.

– Даже если и не доходить до таких крайностей, знаешь, Алан, жизнь будет длинной и скучной, если ее не прожить, как надо.

– Бесполезно меня убеждать, ведь я же дал вам обязательство…

«Мерседес» въехал на бульвар Осман и устремился на полосу общественного транспорта, шустро обгоняя все машины, застрявшие в пробке.

– Вот потрешься в реальной жизни, наберешься опыта – и поймешь, что она не так уж и страшна, и ты сможешь позволить себе многое, чего раньше не позволял. Я хочу, чтобы ты по-другому взглянул на все, что происходит в жизни. Послушав тебя вчера, я поразился тому, как ты представляешь ежедневные события. У меня сложилось впечатление, что ты зачастую приспосабливаешься к роли жертвы.

– К роли жертвы?

– Так можно назвать ту жизненную позицию, в которую многие себя неосторожно загоняют. Она состоит в том, чтобы жить, как придется, словно кто-то нам приказывает, а мы безотчетно подчиняемся.

– У меня никогда не возникало такого чувства.

– Ты не отдаешь себе в этом отчета, но занимаешь позицию жертвы, когда говоришь «у меня нет шанса», «все пошло не так, как я хотел», «я предпочел бы»… Вот, к примеру, ты описываешь день, в котором действительно что-то не задалось. И какими выражениями ты пользуешься? «Тем хуже», «не повезло», «ну и ладно»… Однако в твоих словах не чувствуется мудрого подхода человека, который относится к ситуации серьезно. Ты говоришь это с сожалением. Мало того что ты сдался, ты еще даешь понять, что это был не твой выбор. К тому же у тебя есть тенденция жаловаться. Все эти признаки указывают на то, что тебе нравится роль жертвы…

– Может, я и приспособился к этой роли, сам того не заметив, но чтобы она мне нравилась…

– Ну да. Разумеется, в этой роли для тебя таится масса преимуществ. Так уж устроен наш мозг: каждый миг он подталкивает нас к выбору, который считает лучшим. В любой ситуации, которую тебе предстоит пережить, твой мозг обязательно выберет из всех возможных решений то, которое принесет тебе больше выгод. Он по-другому работать не может. Вопрос в том, что выбор не у каждого богат… В одних людях развилось очень гибкое поведение и отношение к жизненным ситуациям. Когда они попадают в определенные условия, их мозг располагает широким спектром возможных реакций. Другие же, наоборот, в каждой новой ситуации привыкли вести себя примерно одинаково, и, следовательно, их диапазон ограничен. Они редко делают правильный выбор…

Вот тебе конкретный пример: представь себе разговор двух незнакомых людей на улице. Один другого незаслуженно в чем-то упрекнул. Если в арсенале другого достаточно аргументов, он сумеет убедить собеседника в неправоте, сведет критику на юмор или задаст несколько неудобных вопросов, чтобы заставить противника доказать справедливость его позиции. Он сумеет поставить себя на место другого, понять, откуда взялось недовольство, и либо сможет его переубедить, сохранив добрые отношения, либо не станет обращать внимания и пойдет дальше своей дорогой. В общем, если он способен все это проделать, значит в момент, когда он услышит обидные слова, у него будет множество вариантов ответа, и высока вероятность того, что он выберет именно тот, который в данной ситуации соответствует его интересам и принесет наибольшую пользу. А теперь представь себе, что обидели человека, который ничего такого не умеет. Тогда не исключено, что мозг его выберет либо драку, либо униженное подчинение. И при этом не забывай, что во всех случаях мозг сделает наилучший выбор.

– То есть вы хотите сказать, что я в какой-то мере ограниченный человек?

– Скажем так, что в особых случаях, когда события развиваются не так, как ты хотел, твой выбор небогат и у тебя есть тенденция выбирать роль жертвы.

– Хорошо, предположим, что это верно. И какой же мне с этого профит?

– Насколько я понял вчера, тебе нравится, когда тебя считают человеком, старающимся для других, и ты надеешься, что взамен другие оценят твои «жертвы». И потом, ты любишь вызвать к себе жалость и таким образом завоевать симпатии. Между нами, это вранье: все исследования показывают, что наибольшие симпатии привлекают к себе те, кто живет согласно собственному выбору. И все твои стенания производят впечатление только на тебя самого.

– И тем не менее объективно, именно объективно на тот момент у меня в жизни было меньше шансов, чем у остальных. Начать с моего окружения в детстве. Прошу прощения, конечно, но гораздо легче быть счастливым, когда родишься в зажиточной семье, где все есть.

– Да брось ты! Глупости все это…

– Вовсе нет. Любой социолог скажет вам, что дети, выросшие в зажиточных семьях, имеют больше шансов получить высшее образование, чем выходцы из среды со скромным достатком. И следовательно, у них больше возможностей обучиться престижной профессии.

– Но это не имеет ничего общего со счастьем! Можно быть несчастным инженером и вполне счастливым рабочим. Напомню тебе, что ты благополучный кадровый служащий… Несправедливость начинается с той любви и воспитания, которое дети получают от родителей, пекущихся об их будущем счастье. Согласен, здесь бывают неблагополучные дети. Но к социальной среде это не относится. Необязательно быть богатым, чтобы любить своего ребенка и умело дозировать применение силы в воспитании. Посмотри вокруг себя.

– Но в любом случае вы не можете утверждать в этой связи, что у меня были шансы: ведь я рос безотцовщиной!

– Да, но тем не менее ты вырос, и пора уже перестать жаловаться на судьбу и оплакивать свою участь.

«Мерседес» свернул на бульвар Мальзерб и доехал до поворота на Батиньоль. Меня разозлили все эти разглагольствования.

– Алан…

– Что?

– Счастливых жертв не бывает. Это ты понимаешь? Не бывает.

Он немного помолчал, наверное, хотел, чтобы его слова до меня дошли. Слова ранили мне сердце, как маленькая острая стрела, а вот молчание было как нож в рану.

– Ладно, согласен, но как сделать, чтобы не скатиться на позицию жертвы? Я ведь не по своей воле там оказался, а бессознательно, и как же теперь оттуда выбраться?

– По-моему, наилучший способ заключается в том, чтобы научиться совсем другим вещам. Если ты каждый раз оказываешься в качестве жертвы, значит у твоего мозга нет большого выбора и он считает это лучшим для тебя. Твоя задача – развить в нем другие возможности. Понимаешь, природа не терпит пустоты. Даже если ты сочтешь нужным пересилить в себе жертву, но ничего другого не умеешь, у тебя ничего и не получится. Ты станешь противиться переменам. Самое лучшее – обнаружить, что ты можешь и по-другому. Я убежден: твой мозг быстро выберет эту новую опцию, если она принесет тебе больше выгоды.

– И что же это за выбор, что за новая опция?

– Я хочу научить тебя добиваться своего в повседневных делах. Если у тебя получится, то пропадет нужда примерять на себя роль жертвы. Слушай, это, конечно, анекдот, но ты мне вчера говорил, что нехватка возможностей преследует тебя даже в самых незначительных деталях ежедневной жизни. Например, когда ты покупаешь багет в булочной, тебе всегда достается черствый, а ты любишь свежий.

– Что верно, то верно.

– Да не в этом же дело! Ты просто не можешь сказать: «Нет, этот черствый, дайте тот, что рядом с ним».

– Почему не могу? Могу! Я просто не хочу ругаться с булочницей, когда в булочной полно народу и все ждут своей очереди. Вот и все.

– Но это займет у нее не более двух секунд! Ты предпочитаешь есть черствый багет, который ты не любишь, вместо того чтобы занять две секунды чужого времени! Нет, тут дело в другом, ты не осмеливаешься ей сказать. Боишься ей досаждать, чтобы добиться своего. Боишься, что она сочтет тебя назойливым, грубым и плохо о тебе подумает. А еще боишься, что другие посетители станут раздражаться и злиться на тебя.

– Возможно…

– И на смертном одре ты сможешь сказать: «Я ничего в своей жизни не добился, ничего не имел, зато все вокруг считали меня очень милым». Гениально!

Тут я в самом деле почувствовал себя плохо. Я отвел глаза от этого неуютного человека и уставился на магазины, машины и людей, проплывавших в окнах автомобиля.

– У меня большая новость, – снова заговорил он.

– В самом деле?

Я даже не посмотрел на него.

– И эта новость состоит в том, что ты больше не будешь есть черствые багеты. Это все в прошлом.

Он внимательно огляделся:

– Влади, останови!

Шофер остановил «мерседес» и включил аварийную сигнализацию. Машины, гудя, стали объезжать нас.

– Чего тебе сейчас хочется? – не унимался Дюбре, показывая на булочную.

– На данный момент ничего. Абсолютно ничего.

– Прекрасно. Тогда ты зайдешь в булочную, спросишь хлеба, пирожное, не важно что, а когда тебе принесут, найдешь предлог отказаться и потребовать другое. И найдешь повод отказаться и от второго, и от третьего, и от четвертого. А потом заявишь, что ничего не хочешь, и уйдешь, ничего не купив.

У меня засосало под ложечкой и лицо залил румянец. Секунд пятнадцать я ничего не мог выговорить.

– Не могу.

– Не можешь, но через несколько минут попробуешь.

– Это выше моих сил.

– Влади!

Шофер вышел, открыл мою дверцу и ждал. Я испепелил Дюбре взглядом и скрепя сердце вылез из машины. Быстрый взгляд в сторону булочной. До закрытия еще час, народу полно. Сердце мое бешено колотилось.

Я встал в очередь, как на эшафот. Впервые с моего приезда во Францию запах свежего хлеба вызвал у меня отвращение. Внутри все сновали и толкались, как на заводе. Продавщица передавала заказы на кассу, кассирша громко их выкрикивала и принимала деньги, а ее товарка тем временем занималась следующим клиентом. Как в хорошо срепетированном балете. Когда подошла моя очередь, за мной уже выстроились человек десять. Я сглотнул слюну.

– Месье? – обратилась ко мне продавщица своим пронзительным голосом.

– Багет, пожалуйста.

Голос мой звучал глухо, в горле пересохло.

– И один багет для месье!

– Евро десять, – сказала кассирша.

Она слегка пришепетывала и брызгала слюной, когда говорила, но никто не пытался оградить от брызг свой хлеб.

– Мадам?

Продавщица уже обращалась к следующему клиенту.

– Хлебец с шоколадом.

– И хлебец с шоколадом для мадам!

– Прошу прощения, а нельзя ли мне не такой черствый? – выдавил я из себя.

– Евро двадцать для мадам!

– Пожалуйста, – сказала продавщица, протянув мне другой багет. – Мадемуазель, что для вас?

– Хлеб для гренок, без корочки, пожалуйста.

– Извините, но я хотел бы хлеб с отрубями.

Мой голос заглушала хлеборезка. Продавщица меня не услышала.

– Без корочки для мадемуазель!

– Евро двадцать пять.

– Мадам?

– Нет уж, извините, – снова начал я, – я бы хотел наконец получить хлеб с отрубями.

– И хлеб с отрубями для месье, кроме багета!

– Итого три евро пятнадцать, – произнесла кассирша с фонтаном брызг.

– Молодой человек, что для вас?

– Нет, я хочу хлеб с отрубями вместо багета, а не вместе с багетом.

– Два хлебца, – сказал молодой человек.

– Два евро пять для месье и два евро десять для молодого человека.

– Для вас, мадам?

Мне стало совсем плохо. Мужества продолжать эту комедию не было. Я бросил быстрый взгляд на автомобиль. Шофер стоял со скрещенными на груди руками и не сводил с меня глаз.

– Половинку хорошо пропеченного багета, – сказала пожилая дама.

– Извините, – обратился я к продавщице. – Я передумал. Я тоже хочу половинку багета.

– Месье сам не знает, чего хочет, – визгливо сказала продавщица, протягивая вторую половинку багета, разрезанного для старушки.

Мне стало жарко. Я начал задыхаться.

– Шестьдесят сантимов для мадам, и столько же для месье.

– Мадам?

– Я еще думаю, – заявила молодая дама, с явным вожделением глядя на пирожное.

Наверное, подсчитывала калории.

– У вас опять что-то не так, месье? – с подозрением обратилась ко мне продавщица.

– Послушайте, я правда сожалею… я знаю, что надоедаю вам… но… мне хлебец. Думаю, этот мне как раз подойдет. Точно! Хлеб без корочки! Стоп! Не надо! Я решил…

– Ну? – У нее изменился голос, она явно была на грани нервного срыва.

Она посмотрела на меня с нескрываемым вызовом. Обернуться я не решался, но мне казалось, что люди в скопившейся за мной очереди готовы вцепиться мне в горло и выбросить на улицу.

Продавщица вздохнула и повернулась к прилавку, чтобы взять хлеб без корочки.

– Мне… ничего не надо. Благодарю… мне очень жаль… спасибо…

Я отвернулся и прошел мимо очереди, опустив голову и ни на кого не глядя. За дверь я выскочил бегом, как вор.

Шофер поджидал меня, открыв дверцу, словно я был какой-нибудь министр, а я чувствовал себя как пристыженный мальчишка, которого застигли за кражей леденца с прилавка. В «мерседес» я забрался весь в поту.

– Ты красный, как англичанин после часа, проведенного на пляже на Лазурном Берегу, – сказал Дюбре.

Он явно забавлялся.

– Ничего смешного. Правда, ничего смешного.

– Ну вот видишь, у тебя получилось.

Я ничего не ответил. Машина тронулась с места.

– Может, для первого раза я и потребовал слишком многого, – сказал Дюбре, – но обещаю, что через несколько недель ты с этим справишься шутя.

– Но мне этого вовсе не надо! Не желаю становиться занудой! Я сам не выношу зануд! Меня ужасают приставалы, которые всех ставят на уши. Мне вовсе не улыбается на них походить!

– Тебе совсем не обязательно становиться занудой. Я не призываю тебя бросаться из крайности в крайность. Я просто хочу, чтобы ты научился добиваться своего, хотя и ценой

некоторого беспорядка. Однако кто может больше, тот может и меньше. Мне надо заставить тебя делать чуть больше, чем нужно, чтобы в дальнейшем ты с успехом мог требовать простых и естественных вещей.

– И каким будет следующий этап?

– В ближайшие дни ты зайдешь по крайней мере в три булочные и потребуешь две замены товара. Ничего мудреного.

По сравнению с тем, что мне пришлось пережить, такое задание было вполне приемлемым.

– И как долго еще мне надо будет этим заниматься?

– Пока это не станет для тебя естественным и не будет получаться без усилий. И пока не поймешь, что можно быть настойчивым и при этом вызывать симпатию. И совсем необязательно при этом грубить.

«Мерседес» остановился перед моим домом. Влади вышел и открыл передо мной дверцу. Я глотнул свежего воздуха.

– Удачного вечера, – пожелал мне Дюбре.

Я вышел, не ответив ему.

Этьен высунулся из-под лестницы и вытаращился на автомобиль.

– Ха, я вижу, у тебя никаких забот, парень, – сказал он, подходя ко мне.

Он взял шляпу и сделал вид, что разметает передо мной дорогу.

– Господин президент!

И я почувствовал себя просто обязанным дать ему на чай.

– Месье сегодня просто молодцом, – сказал он своим сиплым голосом, исполняя очередной изысканный поклон.

И посмотрел на меня лукавым взглядом человека, который добивается всего, чего хочет.

★

Ив Дюбре взял ноутбук и нажал на две клавиши:

– Добрый вечер, Катрин, это я.

– Ну, что?

– Поддается. Все идет, как мы предвидели.

– Не думаю, что это долго протянется. У меня на этот счет большие сомнения.

– Катрин, ты всегда сомневаешься.

– В конце концов он взбунтуется.

– Ты так говоришь, потому что сама бы взбунтовалась на его месте…

– Может быть.

– В любом случае мне не приходилось еще видеть человека, который настолько боялся бы собственной тени.

– Это меня и беспокоит. Именно поэтому я и думаю, что у него никогда не хватит смелости сделать то, о чем ты хочешь его попросить.

– Напротив. Его страх может сослужить нам службу.

– Каким образом?

– Если он и не захочет продолжать, то страх сможет его заставить.

Воцарилось молчание.

– А ты опасный человек, Игорь.

– Ага.

4

В следующую неделю я знал наперечет все булочные Восемнадцатого округа. Теперь я уразумел, что лучший хлеб продается в тех, что находятся в двух шагах от меня и куда я обычно захожу. Если только это не было плодом психологической обработки.

Обычно я покупал три багета на день, а остатки отдавал Этьену. Дней через пять он совсем обнаглел и заявил мне, что хлеб ему осточертел.

Человеческое существо так устроено, что привыкает ко всему или почти ко всему. Должен сознаться: то, что в первый раз потребовало от меня почти нечеловеческих усилий, через неделю не составляло никакого труда, но требовало осознанного контроля. Мне надо было к этому готовиться. Однажды вечером я встретил в булочной своего соседа, и мы разговорились, стоя в очереди. Когда подошла моя очередь и мне подали действительно черствый багет, мне даже в голову не пришло от него отказаться. То есть получается, что, достаточно было отвлечься на беседу с соседом, как сразу вернулась старая привычка автоматически брать все без разбора. Короче говоря, старался я, старался, а до конца от этой привычки так и не избавился.

Моя офисная жизнь шла своим чередом, еще безрадостнее, чем обычно. Видимо, стремясь изменить отчаянно деградирующую атмосферу в офисе, Люк Фостери теперь требовал, чтобы консультанты являлись на работу к восьми часам и совершали утреннюю пробежку. Думаю, эта дурацкая идея пришла в голову не ему, ибо в нем творческого начала не было ни на грош. Не иначе как он вычитал это в какой-нибудь брошюрке типа «Создай из сотрудников команду победителей»… Однако, видимо, проект получил одобрение руководства, ибо он добился от нашего босса, Грегуара Ларше, установки в офисе душа для персонала. Просто не верится.

Отныне консультанты по утрам полной грудью вдыхали выхлопные газы с проспекта Оперы и улицы Риволи или воздух садов Тюильри, который ненамного чище. Они бегали, не говоря ни слова, поскольку наш шеф вообще-то был не более разговорчив, чем агент похоронного бюро. Несомненно, эта акция должна была стимулировать усердие каждого, но не укрепить внутренние связи. Фостери держал ту же дистанцию, что и обычно. Я же совершил настоящий подвиг: мне удалось увильнуть от его предложения, и тому немало способствовали булочные Восемнадцатого округа. Печальный опыт бейсбола навсегда отбил у меня охоту заниматься спортом. Присоединиться к банде пыхтящих мужиков, которые физическими нагрузками культивируют свое мужское начало, было выше моих сил. И я терпеть не мог идиотский обычай всем гуртом залезать потом под душ. Что касается меня, то я вовсе не жаждал любоваться на своего патрона в костюме Адама. У меня вообще создалось впечатление, что чем больше мужики стремятся выглядеть «мачо», тем больше двусмысленности появляется в их сексуальном поведении. Что можно, к примеру, подумать о традиционном обмене майками после футбольных матчей, когда твой пот смешивается с потом противника?

Я приходил каждое утро без пяти девять, чтобы уже заниматься делом, когда команда вернется с пробежки. Намек был прозрачным: пока вы там ногами дрыгаете, некоторые вкалывают… В общем, я был безупречен. И тем не менее уровень придирок существенно вырос. В кои-то веки шефу пришла оригинальная мысль, а я ее не поддержал. Фостери начал цепляться к мелочам, делать мне замечания по делу и без дела. Все, от цвета моих рубашек и ваксы на моих ботинках и до времени встречи с клиентами, вызывало его злобные комментарии.

Но болевая точка была в другом месте: в количестве подписанных мною контрактов. У каждого консультанта была задача самому искать предприятия, которые поручат ему набор сотрудников. Мы выполняли сразу две функции: и консультативную, и коммерческую. После

того как мы вошли в Биржу, вторая взяла верх над первой. Консультантам случалось подписывать и персональные документы о торговом обороте с поручением в конце.

В понедельник по утрам наша фирма организовывала коммерческие совещания. Ясное дело, идея пришла не от Фостери. Как истинный интроверт, он был вечно погружен в себя и не любил находиться среди нас, а потому идею, скорее всего, ему подкинул Ларше. Но умница Люк Фостери умудрился присвоить себе авторство неблагодарной задачи собирать нас еженедельно. Руководил собраниями сам Ларше, и это у него хорошо получалось, потому что он любил заполнять собой пространство и во все вмешиваться. Фостери ограничивался тем, что помалкивал, держась рядом с ним в роли стороннего эксперта, который открывает рот только в случае острой необходимости, и отказывался принимать участие в дебатах плебса. Он пренебрежительно разглядывал наш маленький мирок, медленно и лениво поводя полными скуки глазами, без сомнения спрашивая себя, почему этим слабоумным надо без конца повторять одни и те же глупости. В последнем пункте он был абсолютно прав.

В этот день я встретил в коридоре Тома, одного из своих коллег.

– О! А мы уже позавчера решили, что ты помер! – иронически бросил он.

Эх, старина, знал бы ты…

– Я подхватил какой-то вирус. По счастью, это быстро кончилось.

– Да ладно, я же тебя не упрекаю, – сказал он, отступив на шаг. – Даже если я заболею, то все равно мне не грозит разнос в конце месяца.

Тома был из тех, кто отличался лучшими результатами, и никогда не упускал случая нам об этом напомнить. Весь мир должен быть в курсе его успехов. Я знал, что его цифры действительно впечатляют. Он был работяга и пахал в немыслимом режиме: обходился без обеда и вечно был так поглощен своими бумагами, что мог не ответить на приветствие, повстречавшись с коллегой в коридоре. Однако никогда не упускал случая поболтать, если дело шло о его достижениях за триместр, о новой модной стрижке или о том, что вчера он обедал в шикарном ресторане, о котором говорит весь Париж. Он никогда не упускал случая пустить пыль в глаза, и его совершенно не интересовало, что скажут коллеги, когда они позволяли ему пускаться в разглагольствования о своих достижениях или приобретениях. Если ему случайно говорили: «А у тебя симпатичная машина», он реагировал так, словно похвалили его самого, и победоносно улыбался. Он был способен упомянуть имя какой-нибудь знаменитости, у которой была точно такая же машина, и с равнодушным видом назвать астрономическую сумму, пошедшую на ее покупку. В нем все было рассчитано так, чтобы поддерживать имидж: от дизайнерской одежды и аксессуаров до «Файнэншл таймс», которая всегда небрежно торчала у него под мышкой по утрам, от фасона прически до остроумных словечек и выбора фильмов и романов, которые обсуждались в застольных беседах. Ничего случайного, ничего, что не говорило бы о его безупречном вкусе. Каждый жест, каждое слово соответствовало тому великолепному персонажу, который он себе создал и с которым себя отождествлял. Меня мучил вопрос: он все это делал осознанно или же сам обманывался?

Я пытался представить себе Тома голым на необитаемом острове, без костюма от Армани, галстука от Эрме, мокасин от Вестона, борсетки от Луи Вюиттона, без кипы исписанных цифрами бумаг и без возможности снискать себе славу. В радиусе ста километров в округе изумлять некого. Я представлял, как он бродит, лишенный своей главной движущей силы, впав в бесконечный ступор: ведь он не сможет жить без постоянного обожания, он засохнет, как фикус у нас в вестибюле, если его не польет Ванесса.

Я думаю, он сменил бы роль и быстро превратился в настоящий архетип Робинзона Крузо. Как истинный кадровый работник молниеносного реагирования, он и выглядеть, и вести себя стал бы как потерпевший кораблекрушение. А когда проплывавшие мимо рыбаки, пораженные его необычайной способностью к выживанию, выручили бы его и сняли с острова,

он бы героем вернулся во Францию. И рассказ о его приключениях не сходил бы с экранов телевизоров, а он не сбривал бы восьмимесячную бороду и щеголял в набедренной повязке.

Меняются обстоятельства, люди не меняются.

– Ну что, мальчики, байки травите?

Микаэль, еще один мой коллега, отличался нравом живым и насмешливым. Но он, по крайней мере, не относился так серьезно к собственной персоне, хотя и считал себя самым злоязычным из коллег.

– Всегда найдется, кто может себе это позволить, – мгновенно отпарировал Тома.

Самодовольство начисто лишило его чувства юмора.

Микаэль не отреагировал и, рассмеявшись, отошел. Чуть полноватый, с волосами цвета воронова крыла, он вечно напускал на себя вид этакого продувного парня. Он справлялся с работой, и результаты его были вполне приличные, так что думаю, жил он припеваючи. Мне много раз доводилось неожиданно входить к нему в кабинет. Он производил впечатление человека, полностью поглощенного заковыристым досье очередного кандидата на экране компьютера, однако картинки на экране многих заставили бы возмутиться тем, что безработица толкает кандидатов женского пола фотографироваться голышом, чтобы добиться места бухгалтера.

– Ему завидно, – доверительным тоном сообщил Тома.

По его представлениям, все, кто не выказывал ему восхищения, просто корчились от зависти.

Еженедельно предприятия связывались с нами, чтобы сообщить о количестве вакансий и узнать о состоянии наших дел. Ванесса принимала звонки и каждому из нас отсылала распечатку. Нечего и говорить, нам это очень нравилось: гораздо легче подписать контракт с пославшим запрос предприятием, чем самим производить изыскания и обзванивать незнакомых людей, предлагая свои услуги. Считалось, что Ванесса распределяет запросы беспристрастно. Но я быстро обнаружил, что на самом деле в любимчиках у нее ходит Тома. Ее явно пленил образ завоевателя, и ей льстило, что она причастна к его успехам. Я же у нее был не в фаворе, хотя иногда, передавая мне распечатку, она всем своим видом давала понять, что только благодаря ей мне выпала удача получить единственный запрос, пришедший в «Дюнкер Консалтинг» за месяц.

5

Спустя две недели с нашей последней встречи Дюбре снова появился при тех же обстоятельствах: выходя из офиса, я увидел «мерседес», припаркованный поперек тротуара.

Я подошел, Влади вылез из машины, обошел ее вокруг и открыл передо мной дверцу. Я с огромным сожалением загасил об асфальт только что зажженную сигарету: целых полдня я провел, так ни разу и не закурив!

Мне было уже не так тревожно, как раньше, но все-таки под ложечкой слегка засосало, когда я задал себе вопрос, что меня ожидает на этот раз.

«Мерседес» тронулся с места, съехал с тротуара, пересек проспект Оперы, преспокойно переехав сплошную осевую, и повернул к Лувру. Двумя минутами позже мы ехали по улице Риволи.

– Ну что, разогнал всех парижских булочников manu military?[2]

– Я уже целый месяц ем хлеб без корочки из супермаркета, чтобы позабыть о булочных.

Дюбре садистски хохотнул.

– И куда вы меня повезете сегодня?

[2] Силой оружия, мощной рукой (*лат.*).

– Вот видишь, как ты продвинулся! В прошлый раз ты не осмеливался задавать вопросы, а покорно ехал куда везут, как узник.

– А я и есть узник. Своего слова.

– Что верно, то верно, – отозвался он с довольным видом.

Мы приехали на площадь Согласия. Мягкая тишина, царившая в роскошном седане, резко контрастировала с шумной суетой автомобилистов, которые лавировали на площади во все стороны, норовя обогнать друг друга. Их раздраженные лица на несколько секунд появлялись за стеклами, вспыхивали выражением победы и снова гасли, оказавшись в окружении снующих туда-сюда машин. Над Национальной ассамблеей по белесому небу плыли два огромных черных облака. Мы свернули направо, к Елисейским Полям, и перед нами, сияя огнями, открылась просторная улица, прорезающая город. На горизонте виднелась Триумфальная арка. «Мерседес» набрал скорость.

– И куда мы едем теперь?

– Едем протестировать твои достижения, чтобы удостовериться, что ты готов к следующим.

Формулировка мне не понравилась. Она напомнила о бесконечных тестах, которым я подвергал своих кандидатов.

– Я еще вам не говорил, но я предпочитаю тесты теоретические, на бумаге, где надо отмечать ответы галочками.

– Жизнь – это тебе не теория. Я верю только в силу пережитого опыта. Только пережитый опыт способен изменить человека. Все остальное – болтовня, интеллектуальная мастурбация.

Справа от меня за окном проплывали деревья, потом стали видны первые очереди в кинотеатры.

– Что вы мне приготовили на сегодня?

– Ну, скажем так, мы закроем эту страницу, чтобы перейти к следующей.

– Перейти к следующей?

– Ну да, настало время перейти от лавчонок к престижным ювелирным магазинам.

– Шутить изволите? – отозвался я, подозревая, что это вовсе не шутки.

– На самом деле большой разницы нет.

– Еще как есть! И говорить нечего!

– В обоих случаях ты имеешь перед собой того, кто хочет тебе что-то продать. Все очень похоже. Не вижу, в чем проблема.

– Но вы же сами прекрасно знаете! Не стройте из себя идиота!

– Главная проблема у тебя в голове.

– Но я в жизни не был в ювелирном бутике! Я не привык ходить по таким местам.

– Ну, когда-то надо начинать. Все когда-нибудь происходит впервые.

– Я всегда чувствую себя неуютно перед ювелирным магазином, хотя рот сам собой и разевается.

– А что именно тебя смущает? – спросил Дюбре с улыбкой.

Ситуация его явно забавляла.

– Сам не знаю… Там не привыкли обслуживать таких, как я… Понятия не имею, как себя там вести.

– Нет никаких особых правил. Этот бутик ничем не отличается от других, разве что там все дороже. Но это и дает тебе право быть более требовательным!

«Мерседес» остановился вдоль тротуара. Мы находились в самом начале Елисейских Полей. Влади включил аварийную сигнализацию. Я пристально глядел перед собой, понимая, что мой эшафот находится тут, справа от меня, стоит только скосить глаза… А я полностью отдался гипнотическому движению машин, сворачивающих на площадь Звезды и, как муравьи, снующих во всех направлениях, умудряясь при этом не задевать друг друга.

Собрав все свое мужество, я медленно повернул голову направо. Передо мной величаво возвышалось каменное здание. Огромная витрина охватывала два этажа, а над ней золотом было выведено имя моего палача: Картье.

– Представь себе, какой станет твоя жизнь, если уже ничто не сможет заставить тебя почувствовать неловкость.

– Блеск, а не жизнь. Но мне до этого далеко.

– Добиться этого можно только одним способом: штурмовать реальность, идти в атаку на предмет твоих страхов, пока они не исчезнут, и не прятаться от них. Любое убежище только усилит неуверенность.

– Может, и так, – отозвался я без особого убеждения.

– Давай, вперед, и скажи себе, что люди там такие же, как и ты, служащие, и у них точно так же нет средств, чтобы купить себе драгоценности от Картье…

– А что именно я должен делать? В чем состоит моя задача?

– Ты должен попросить показать тебе часы. Пересмотри их не меньше дюжины, задавай кучу вопросов и уходи, ничего не купив.

Стресс сразу оглушил меня.

– Перед этим мне надо выкурить сигарету.

– И вот еще что…

– Что?

Он взял свой мобильник, набрал какой-то номер, и у него в кармане загудел прерывистый зуммер. Он вытащил из кармана крошечный, видимо, очень дорогой аппаратик, на что-то нажал, и зуммер замолчал.

– Вставь эту штуку себе в ухо. Я смогу слышать все, что ты говоришь, и ты сможешь услышать, если я что-нибудь тебе скажу.

Я был озадачен.

– Что еще за бредятина?

– И последнее…

– Ну?..

– Забавляйся, развлекайся. Это лучший совет, который я могу тебе дать. Если тебе это удастся – все будет в порядке. Перестань все принимать всерьез. Смотри на вещи со стороны и воспринимай это как игру. Ведь игра – это здорово, правда? Тут терять нечего, это просто эксперимент.

Я промолчал.

– Знаешь, можно воспринимать жизнь как серию ловушек, в которые надо не угодить, а можно – как поле для игры, где на каждом углу поджидает обогащающий тебя опыт.

Я ничего не ответил, открыл дверцу автомобиля и вышел. Мозг мой сразу встрепенулся от резкого уличного шума и порыва теплого ветра. На просторном тротуаре толклись группы туристов и провинциалов, высыпавшие из RER[3]. Автомобили на площади Звезды вели свой бесконечный хоровод вокруг Триумфальной арки.

Я сделал несколько шагов, зажег сигарету и выкурил ее до конца, оттягивая время. Вдруг появится полиция и потребует убрать «мерседес», стоящий явно не на месте? Но вероятность этого была крайне мала.

Дюбре говорил о тесте. Он хотел протестировать мои достижения. А это означает, что если он сочтет их недостаточными, то на долгие недели назначит мне еще какое-нибудь неприятное задание. Чтобы избавиться от этой перспективы, мне надо взять себя в руки и предста-

[3] *RER* (Reseau Express Regional d'Il-de-France) – система скоростного общественного транспорта в Париже и пригородах, объединенная с метро.

вить приемлемые результаты. Выбора у меня нет. В покое он меня не оставит, уж в этом я был уверен.

Я бросил сигарету на тротуар и с остервенением загасил, гораздо дольше, чем нужно, растирая ее каблуком. Потом поднял глаза на храм роскоши. По спине пробежал холодок. Ладно, вперед, смелее.

6

Сглотнув слюну, я толкнул дверь в тамбур. В голове быстро промелькнул образ мамы, надорвавшей силы в прачечной. Внутри стояли трое молодых людей в темных костюмах. Вытянув руки по швам, они молча приветствовали меня, и один из них распахнул передо мной дверь в магазин. Десантируясь в абсолютно незнакомый мир, я старался держаться уверенно.

Передо мной открылось огромное пространство. Монументальная лестница под высоченным потолком вела в зал, где зеркальным блеском сияли прилавки из драгоценных древесных пород. Обитые бархатом стены мягко поглощали свет. Легкий, еле уловимый аромат одновременно успокаивал и приводил в восторг. Темно-красный, очень пушистый ковер вызывал желание улечься на него, закрыть глаза и уснуть, ни о чем больше не думая. И тут я заметил, что ко мне легким шагом приближаются очень красивые, необыкновенно женственные туфельки на высоком каблуке… Я медленно поднял глаза… Стройные, длинные ноги, короткая облегающая черная юбка из струящегося материала. Весьма продуманный наряд. Блондинка с глазами как голубые айсберги. Идеально гладкие волосы собраны в узел. Леденящая душу красота.

Она в упор посмотрела на меня и начала весьма профессиональным голосом:

– Добрый день, могу я вам помочь?

Она произнесла это без тени улыбки, и я, все еще в оцепенении, спросил себя, она всегда такая или она видит во мне не клиента, а просто так, случайного посетителя? Под ее уверенным взглядом я ощущал себя раздетым догола.

– Я зашел… посмотреть мужские часы.

– Вас интересует коллекция золотых или стальных?

– Стальных, – ответил я, довольный, что хоть как-то удалось приблизиться к привычным стандартам.

– Золотых! Золотых! – проревел в наушнике голос Дюбре.

Я испугался, что его услышит продавщица. Но она, похоже, не обратила на него никакого внимания. Я молчал.

– Следуйте за мной, – сказала она таким тоном, что я тут же пожалел о своем ответе.

Тон этот означал: «Так я и думала». Вот вредина.

Я пошел за ней, скользя глазами по ее телу вниз, к туфелькам. По походке о человеке можно узнать все. Ее походка была четко заученной, никаких отступлений от правил. Она провела меня в комнату и подвела к одной из деревянных витрин. В ее пальцах с безупречным маникюром профессионально замелькал маленький золоченый ключик, и горизонтальная витрина поднялась. Под ней на обитой бархатом полочке торжественно сияли часы.

– Итак, здесь у нас «Паша», «Родстер», «Сантос» и знаменитый французский «Танк». У этих часов механический ход и автоматический завод. В более спортивном стиле выполнен водонепроницаемый «Хроноскаф» с каучуковым браслетом со стальной инкрустацией…

Я не слушал, что она говорит. Ее слова раздавались в моей голове, но я даже не пытался их осмыслить. Мое внимание было приковано к четким жестам, которыми она их сопровождала. На каждую модель она указывала длинными пальцами, не прикасаясь к ней, словно касание могло ее обесценить. Ее жестикуляция заметно оживляла однообразие лежащих на бархате предметов.

Надо было, наверное, что-то сказать, попросить их примерить, но я, обычно такой словоохотливый, пасовал перед ее профессионализмом. Я рот боялся раскрыть, чтобы она не приняла меня за деревенщину.

Тут я вдруг вспомнил, что Дюбре меня слушает… Надо было бросаться в воду.

– Я бы хотел примерить вот эти, – сказал я, указывая на часы с каучуковым браслетом.

Она натянула белую перчатку, словно прикосновение ее кожи могло нарушить красоту, взяла часы кончиками пальцев и протянула мне. Я постеснялся взять их голой рукой.

– Это одна из наших последних моделей. Часы в стальном корпусе на кварцевом ходу, имеется функция хронометра и три стрелки.

Кварцевые часы… Пусть даже у них сверхточный ход… Да кварцевых часов на рынке тысячи, и все не дороже десяти евро…

Я попытался их примерить и сразу обнаружил, что не снял с руки свои, и почувствовал, как ко мне подступает волна стыда. Ну не мог я показать ей свои пластиковые часы в стиле «фэнтези», которые прятались у меня в рукаве. Я быстро прикрыл их рукой, снял и отправил в карман, где никто их не увидит. Наверное, мой жест выглядел очень нелепо.

– Вы могли бы пока положить их на полочку, – с притворной доброжелательностью сказала продавщица.

Предложение я отклонил и почувствовал, как пылает мое лицо. Слава богу, я не краснею… Я быстро ухватился за первое, что пришло в голову, чтобы отвлечь ее внимание:

– А каков срок службы батарейки?

И вопрос сразу выдал мое замешательство. Наверное, за всю историю Картье я был первым клиентом, кто его задал. Ясное дело, кого же из его клиентов может интересовать срок службы батареек? Прежде чем ответить, продавщица выждала несколько секунд, словно хотела дать мне время осмыслить, что я ляпнул нечто неуместное, и выждать, пока стыд просочится вглубь моего существа. Казнь египетская. Мне становилось все жарче.

– Год.

Надо взять себя в руки и собраться. Я попытался сосредоточиться, разглядывая часы и изо всех сил изображая интерес. Быстрым жестом набросив их на руку, я дал понять, что привык носить роскошные вещи. Стараясь сохранить тот же темп, я попробовал застегнуть браслет. Не тут-то было: металлический браслет с двойным замочком заело. Пришлось завернуть одно из звеньев внутрь. Ничего не вышло, и я поставил его в прежнее положение, попробовав другой маневр: как следует нажал на него, изобразив при этом на лице почтение и осторожность. Его заело еще сильнее.

– Замочек открывается по-другому, – сказала она, словно это само собой разумелось. – Вы позволите?

Стыд захлестнул меня, голова уже просто пылала огнем. Я испугался, что капли пота упадут на шикарный бархатный прилавок, и сделал шаг назад, чтобы это унижение меня не настигло.

Я протянул продавщице руку, как арестованный полицейскому, который собирается надеть на него наручники. Она застегнула ремешок с необычайной легкостью, и мне стало еще больше не по себе.

Я сделал вид, что любуюсь дорогой вещью, и вертел рукой во все стороны, разглядывая часы под разным углом зрения.

– А сколько они стоят? – спросил я, напустив на себя по возможности равнодушный вид, словно задал ничего не значащий вопрос.

– Три тысячи двести семьдесят евро.

В ее голосе и взгляде мне почудилось некоторое удовлетворение. Наверное, такое чувство испытывает экзаменатор, объявляя вам, что вы завалили экзамен по вождению. Три тысячи двести семьдесят евро… За кварцевые часы со стальным корпусом и каучуковым ремешком!

Меня так и подмывало спросить, чем они отличаются от «Келтона» за тридцать евро. Дюбре, несомненно, оценил бы такой вопрос, но у меня не хватило храбрости. Пока не хватило. Занятно, но эта неимоверная цена меня вдруг словно подхлестнула, избавив от гнета смущения, хотя магия роскоши и повергла меня в полуобморочное состояние.

– Пропустим эту модель, – заявил я, снимая с руки часы. – Я бы хотел взглянуть вон на ту.

– Французский «Танк» дизайна тысяча девятьсот семнадцатого года, механизм с автоматическим заводом калибра Картье сто двадцать.

Я надел их и принялся рассматривать:

– Недурно.

Приняв озабоченный вид колеблющегося покупателя, я прикидывал в уме: итак, я посмотрел две модели. Интересно, сколько еще надо? Я уже начал слегка расслабляться, и тут в ухе зазвенел голос Дюбре, на этот раз не такой настойчивый:

– Скажи ей, что эти не годятся, и попроси показать модели с золотым корпусом!

– Я бы хотел посмотреть еще вон те, – сказал я, не обращая внимания на голос в наушнике.

Номер три.

– Скажи ей, что эти тоже…

Чтобы перекрыть голос Дюбре, мне пришлось закашляться. Как я буду выглядеть, если она услышит? Внезапно меня пронзила мысль: а что, если она примет меня за взломщика? Может, камеры слежения уже засекли звуки в моем наушнике. Мне стало нечем дышать. Надо поскорее кончать с этим делом.

– Я нахожусь в сомнении. А нельзя ли взглянуть на модели с золотым корпусом? – выдавил я в страхе, что мне не поверят.

Продавщица быстро привела в порядок витрину:

– Следуйте за мной, пожалуйста.

У меня возникло неприятное чувство, что она обслуживает меня машинально, следуя накатанному профессиональному сценарию. Наверное, она решила, что зря теряет со мной время. Я пошел за ней, потихоньку оглядываясь по сторонам. Мои глаза встретились со взглядом парня в темном костюме, который открыл передо мной дверь. Несомненно, это был охранник в штатском. Похоже, он разглядывал меня с любопытством.

Мы вошли в следующее помещение, более просторное. Словно ниоткуда возникли несколько клиентов, вовсе не походивших на праздношатающихся прохожих с улицы. Продавцы двигались как молчаливые призраки, блюдя торжественную тишину.

Я инстинктивно покосился на множество камер слежения, рассеянных повсюду, и все они наверняка поворачивались во все стороны, смотрели только на меня и ловили каждое мое движение. Я вытер лоб тыльной стороной ладони и постарался дышать поглубже, чтобы снять напряжение. Надо было пересилить внезапный страх. Каждый шаг приближал меня к коллекции предметов для миллиардеров, и надо было притворяться, что они меня интересуют и что я способен даже что-то купить.

Мы остановились перед элегантным прилавком. Выбор часов с золотым корпусом был намного шире, и продавщица представила мне модели в горизонтальной витрине.

– Мне нравятся вот эти, – сказал я, указывая на массивные часы из желтого золота[4].

– Это модель «Баллон Блё»: корпус из желтого золота в восемнадцать карат, с рифленым ободком из желтого золота, головка украшена синим сапфиром-кабошоном[5]. Двадцать три тысячи пятьсот евро.

---

[4] *Желтое золото* – сплав золота и серебра.

[5] *Кабошон* – неограненный драгоценный камень. *(Примеч. перев.)*

У меня появилось ясное ощущение, что она сразу назвала цену, чтобы подчеркнуть, что такая покупка не для меня. Она забавлялась, спокойно меня унижая.

Я был задет за живое, и это вывело меня из летаргического состояния и заставило отреагировать. Она, наверное, не сомневалась, что оказывает мне услугу, стараясь меня раздражить и разозлить.

– Я хочу их примерить, – сказал я сухо и сам удивился своему тону.

Она молча открыла витрину и повиновалась моему приказу, а я ощутил доселе неизведанное чувство, совершенно новое для меня короткое наслаждение. Что это было? Может, я почувствовал вкус власти?

Я надел часы, секунд пять смотрел на них и вынес безапелляционный вердикт:

– Слишком массивные.

Сняв часы, я небрежно протянул их продавщице и перевел взгляд на другие модели.

– Вот эти! – указал я, не давая ей времени положить на место «Баллон Блё». Ее ловкие пальцы забегали быстрее, и в красных ногтях замелькали огоньки отражений от мощных ламп, вмонтированных над витриной, чтобы усилить блеск золота и камней.

Во мне загадочным образом проснулась и подняла меня какая-то неведомая сила. Я вдруг почувствовал опьянение от самоутверждения.

– И еще я бы примерил вот эти.

Я указал на следующую модель, не давая ей опомниться и навязывая ей свой ритм.

Я не узнавал себя. Вся робость куда-то подевалась, и я все больше и больше овладевал ситуацией. Неслыханно… Бесконечное торжество охватило меня.

– Пожалуйста, месье.

А мне вдруг стало грустно оттого, что она начала проявлять ко мне уважение, только когда я настоял на своем и чего-то от нее потребовал. Во мне неожиданно пробудилась властность, и она уже не мерила меня надменным взглядом. Она опустила глаза на витрину и послушно доставала те модели, которые я требовал. А я держался прямее, чем обычно, и с высоты своего роста, чуть склонив голову, наблюдал, как она ловкими движениями длинных пальцев управляется с часами. Не знаю, сколько времени прошло. Я был сам не свой и несколько утратил связь с реальностью. Я пребывал в неизвестном мире, мне открылось неизъяснимое наслаждение, абсолютно немыслимое какой-нибудь час тому назад: странное и незнакомое чувство всемогущества. С меня словно спал какой-то груз, словно рывком сняли тяжелую крышку.

– Эй, спустись на землю!

Низкий голос Дюбре вернул меня к действительности.

Я не торопясь принялся откланиваться. Продавщица вызвалась меня проводить и шла за мной следом, пока я решительным шагом пересекал бутик, оглядывая территорию взглядом только что одержавшего победу генерала. Помещение теперь казалось мне меньше, атмосфера обычнее. Люди в черном открыли передо мной зарешеченные двери. Все провожали меня приветливыми улыбками.

Я вышел на Елисейские Поля, и меня сразу оглушил шум автомобилей и запахи города, ослепили яркие огни, от которых небо казалось белым.

Постепенно приходя в себя, я в полную силу снова пережил только что испытанное чувство. Оказывается, поведение других людей по отношению ко мне определяется моим поведением по отношению к ним… Я сам вызываю и регулирую их реакцию.

Как тут удержаться и не задуматься над множеством прошлых взаимоотношений…

Я вдруг открыл в себе неожиданные возможности: оказывается, я могу себя вести совсем по-другому. Мне вовсе не хотелось менять свое отношение к жизни. Я не собирался становиться сильным мира сего. Мне гораздо ближе сердечные отношения на равных… Но я обнаружил, что мне необязательно довольствоваться ролью ведомого, и дело не только в этом. Я ока-

зался способен на вещи, совершенно мне не свойственные, и для меня главным было именно это открытие.

Узкий туннель моей жизни, кажется, начал понемногу расширяться…

7

– А почему вам хочется получить именно место бухгалтера?

Круглые, выпуклые глаза моего кандидата завертелись во все стороны: он силился найти как можно лучшее объяснение.

– Ну… так сказать… мне очень нравятся цифры.

Чувствовалось, что он и сам не в восторге от своего ответа. Ему явно хотелось сказать что-нибудь значительное, но в голову ничего не приходило.

– А что именно вам так нравится в цифрах?

У меня было такое впечатление, что я дернул за какую-то ниточку, потому что глаза завертелись с удвоенной скоростью. Щеки у моего собеседника порозовели. Он явно постарался приодеться, идя на собеседование, но чувствовалось, что ему непривычно было носить серый костюм с темным галстуком, и сейчас это только сбивало его с толку. А белые носки до такой степени контрастировали с костюмом, что казались флюоресцирующими.

– Ну, в общем… мне нравится, когда… все своим чередом, когда все счета в порядке и я твердо стою на ногах. Знаете, приятное чувство. Я люблю, когда все просто и ясно. Если же я где ошибусь, то могу часами искать ошибку. Да что там часами… я хотел сказать… я не трачу времени впустую, умею докапываться до сути. Я имею в виду… я очень пунктуален.

Бедняга. Как он старается, как борется, чтобы доказать, что он лучший из кандидатов.

– Считаете ли вы себя самостоятельным человеком?

Надо сконцентрироваться на его лице, и ни в коем случае не позволять глазам нашаривать носки.

– Да-да, конечно, я очень самостоятельный. О чем речь? Я сам решаю все свои проблемы и ни на кого их не перекладываю.

– Можете привести пример своей самостоятельности?

Эту технику хорошо знают многие специалисты по приему на работу. Если кандидат говорит о каком-то своем качестве, надо попросить его привести пример, когда оно проявилось. Точнее, он должен суметь обрисовать ситуацию, свое поведение и результат. Если не хватает хоть одного из этих трех компонентов, значит он сказал неправду. Все логично: если он обладает этим качеством, он должен суметь дать пример ситуации, в которой это качество проявилось, и объяснить, какое действие он произвел в этой ситуации и чего достиг.

– Э… ну да, конечно.

– В какой ситуации?

Круглые глаза лихорадочно забегали: он старался вспомнить – или представить себе – какое-нибудь событие. Порозовевшее лицо стало красным, и на лбу выступили капли пота. Я терпеть не мог ставить кандидатов в неловкое положение, и в мои планы это абсолютно не входило. Но я был обязан проверить его соответствие тому месту, на которое он претендовал.

– Ну… послушайте, я все время проявляю самостоятельность, в этом нет никаких сомнений, можете мне поверить…

Он снял ногу с колена, повертелся в кресле и снова закинул ногу на ногу. Носки вполне могли служить рекламой «Ариеля».

– Вот я и прошу вас привести пример, когда вам в последний раз доводилось ее проявить. Где, при каких обстоятельствах, в каком случае? Вспоминайте, не спешите. Не стесняйтесь, чувствуйте себя свободно, мы никуда не торопимся.

Он снова заерзал в кресле, непрестанно вытирая влажные руки о штаны. Потянулись долгие секунды, которые казались мне часами, а он все никак не мог ответить, и я чувствовал, как им овладевает нарастающее смущение. Наверное, он меня ненавидел.

– Ну хорошо, – сказал я, чтобы положить конец его мучениям. – Должен вам сказать, почему я задал вам этот вопрос. В небольшом предприятии среднего бизнеса есть место, там бухгалтер вышел в отставку. Он накопил такое множество выходных, что его просто не смогли предуведомить, и он уволился на следующий день. И там никак не могут найти ему замену. Если вы согласитесь на это место, вам придется в одиночку разгребать оставшиеся бумаги и материалы в компьютере. А потому, если вы не являетесь по-настоящему самостоятельным человеком, вас ожидает сущий кошмар. Мой долг вас предупредить и не поставить в ложное положение. Я вовсе не устраиваю вам ловушек, я действительно пытаюсь понять, насколько вы справитесь с этой задачей. До этого пункта ваши интересы совпадали с интересами предприятия, заявившего вакансию…

Он слушал меня внимательно, а потом признался, что предпочел бы работать в таких условиях, где все четко структурировано, где он будет точно знать, чего от него хотят, и всегда получит ответ на любой вопрос в случае каких-либо сомнений. Остальное время мы посвятили тому, чтобы уточнить его профессиональный проект и определить, какой тип работы лучше подошел бы к его личности, опыту и компетентности. Я пообещал сохранить его досье и сразу с ним связаться, если поступит подходящее предложение.

Проводив его до лифта, я пожелал ему удачи.

В кабинете я проверил вызовы, полученные за мое отсутствие. От Дюбре пришла эсэмэска: «Приходи на встречу в бар отеля Георга Пятого. Возьми такси. Во время поездки оспаривай ВСЕ, что скажет тебе шофер. ВСЕ. Жду тебя. И. Д.».

Я дважды перечитал сообщение и не мог не поморщиться, подумав о том, что меня может ожидать. Смотря что от меня потребует шофер… Может, гадость какую…

Быстро взглянул на часы: семнадцать сорок. Больше встреч у меня не назначено, но раньше семи я из кабинета никогда не выхожу. Но на худой конец…

Я просмотрел почту в компьютере. Сообщений с дюжину, но ничего срочного. Ладно, уйду, авось никто не увидит.

Я взял плащ и двинулся к концу коридора. Никого. Я быстро вышел и направился к запасному выходу. Возле лифта лучше не появляться. Я уже прошел почти весь коридор, как вдруг из своего кабинета выплыл Грегуар Ларше.

– Отдыхаешь после обеда? – насмешливо осведомился он.

– Я… мне надо выйти… срочная необходимость…

Он удалился, не сказав ни слова, явно довольный тем, что застиг меня на месте преступления. Я бросился к лестнице, недовольный таким оборотом событий. Черт возьми, я все дни до конца торчал в кабинете, а когда мне действительно надо уйти пораньше, я попался…

Весь взъерошенный, выскочил я на улицу Оперы, и свежий воздух постепенно привел меня в чувство. Ох, хоть бы новое задание не было труднее предыдущих… Я пошел к Лувру, где находилась ближайшая стоянка такси. Никого… Я обрадовался отсрочке и почувствовал облегчение. Закурив сигарету, я нервно затянулся. В моменты стресса мне всегда надо покурить. Что за свинство! Никак не могу избавиться от этой привычки…

Я шел по улице и испытывал странное ощущение, что за мной следят. Обернулся – на улице много народу. Поди узнай… Мне стало не по себе…

Когда же я в последний раз брал такси? Таксисты, как правило, ужасные болтуны: они без конца высказывают свое мнение по всем вопросам. Должен признать, что всегда остерегался им перечить. Дюбре правильно меня разглядел. Наверное, это своеобразная форма лени. В любом случае это никого из заблуждения не выводит. Их ничем не убедишь…

Я огляделся. Был час пик, движение плотное, и я рисковал долго прождать такси.

А может… это не лень, а трусость? Ведь если ничего не отвечать, это покоя не принесет. Я часто закипаю внутри… Да и чего я боюсь, в самом деле? Что меня невзлюбят? Что я вызову не ту реакцию? Я и сам не знал.

– Куда вам? – вывел меня из ступора голос с парижским выговором.

Я погрузился в свои мысли и не заметил, как подъехало такси. Шофер высунулся из окна и глядел на меня с нетерпением. На вид лет пятидесяти, коренастый, лысый, с черными усиками и недобрым взглядом. И почему это мне так везет в этот день?

– Эй! Вы садитесь или нет? А то у меня дел по горло.

– Мне на авеню Георга Пятого, – пробормотал я, открывая заднюю дверцу.

Скверное начало. Надо сразу взять над ним верх. Давай, смелее, возражай ему во всем. Во всем.

Я забрался на заднее сиденье, и меня сразу затошнило: воздух в машине пропитался застарелым запахом табака, смешанным с запахом дешевого дезодоранта из супермаркета. Ужас!

– Скажу вам сразу: это, может, и недалеко, но доехать туда… Это я вам говорю! Не знаю, что на людей нашло, но на улицах такие пробки!

Гм… Трудно возразить… Что тут скажешь?

– Ну, может, все-таки есть маленькая возможность, что все рассосется и пойдет даже быстрее, чем вы ожидали?

– Так-т… оно так, для тех, кт… верит в Санта-Клауса, – отозвался он, по-парижски проглатывая целые слоги. – Я уже двадцать восемь лет за рулем и знаю, что говорю. Черт побери, да добрая половина из них вполне может обойтись без своих драндулетов.

Он говорил так громко, словно я сидел в хвосте огромного автокара.

– Может, машины им нужны, как знать…

– Ага, как же! Да большинство и пяти метров без машины не пройдут. Они слишком ленивы, чтобы ходить пешком, и слишком скупы, чтобы взять такси. Нет больших скупердяев, чем парижане!

Похоже, он просто не замечал, что я ему возражаю. Что ж, это только подпитывало беседу… В конце концов, моя задача сильно облегчалась.

– А по-моему, парижане – очень любезный народ.

– Да ну? Знали бы вы их получше! Я уже двадцать восемь лет имею с ними дело и изучил этих шельмецов. И вот что я вам скажу: они год от года все хуже. Я их перестал выносить, сыт по горло, они у меня уже из ушей лезут.

Огромные ладони вцепились в руль с оплеткой из искусственного меха, и чувствовалось, как отчаянно напряглись мышцы волосатых рук. Под черными волосками проглядывала татуировка, напоминавшая соблазнительную попу с рекламы диетического подсолнечного масла без холестерина. Когда я был маленький, американское телевидение показывало рекламный мультик, где впечатляющие зады персонажей забавно виляли во все стороны. В жизни не видел такой смешной татуировки.

– Думаю, вы ошибаетесь: люди – зеркальное отражение того, как мы с ними разговариваем.

Он резко нажал на тормоз и обернулся ко мне. Глаза его бешено блеснули.

– И что вы этим хотите сказать?

Я не ожидал такой реакции и отшатнулся, но меня все равно обдало запахом несвежего дыхания. Чем от него пахло? Алкоголем? Похоже, эту бомбу надо обезвредить, придется поработать сапером…

– Я хочу сказать, что люди, может, и замкнуты, но пройдет время, и они поймут, что встряски им на пользу, и, если с ними говорить спокойно, – я с нажимом произнес это слово, – они смогут раскрыться и стать мягче, если почувствуют к себе интерес.

Он какое-то время сверлил меня взглядом злобного кабана-одиночки, а потом отвернулся. В салоне повисла гнетущая тишина. Я постарался сбросить с себя запредельное напряжение и перевел дух. Уф! Возбудимый какой дедулька… Надо, насколько это возможно, соблюдать осторожность… Он молча вел машину, и тишина давила все больше и больше. Надо ее срочно нарушить.

– А что изображает ваша татуировка? – сказал я в надежде на то, что его удастся навести на более мирные мысли.

– А, это… – Голос его потеплел, и я понял, что попал в точку. – Воспоминание молодости. Она изображает Месть.

Последнюю фразу он произнес нравоучительным тоном. Я умирал от желания узнать, каким образом масло без холестерина может символизировать Месть, но в самоубийцы мне не хотелось, и я ограничился сдержанной улыбкой.

Мы подъехали к площади Согласия.

– По Елисейским Полям ехать не надо: сплошные пробки. Поедем по набережным до Альма-Марсо и заедем на авеню Георга Пятого снизу.

– Гм… Я бы предпочел как раз ехать по Елисейским Полям.

Он молча вздохнул и вернулся к теме разговора.

– Обожаю татуировки. Двух одинаковых не бывает. Чтобы сделать себе татуировку, нужно иметь мужество. Это действует, как наркотик. И потом, это же на всю жизнь. Тату придает кураж. Особенно на женском теле. Ничто так не возбуждает, как тату, которого никак не ожидаешь на каком-нибудь укромном местечке… Ну, вы понимаете, о чем я…

Его затуманенные воспоминаниями глаза обрели похотливое выражение. Уймись, дедуля. Расслабься. Я собрал все свое мужество:

– А мне татуировки не нравятся.

– Ну да, в наше время молодежь их не любит, потому что все молодые хотят быть одинаковыми. Они даже не знают, что такое развлекаться. Зато все такие ловкачи!

– Нет… Может, им не нужно тату, чтобы отличаться друг от друга…

– Отличаться, отличаться… Мы уж если хотели развлечься, то прежде всего ржали до упаду. Брали велосипеды или какие-нибудь старые колымаги и жали на всю катушку как чокнутые. В те времена пробок не было!

Этот человек изъяснялся только на кабацком жаргоне. Иначе он не умел. Невыносимый тип… Как он меня раздражал! И этот запах… Ладно, сделаем еще усилие…

– Да, но теперь молодежь знает, что нельзя больше ради развлечения загаживать планету.

– Ага, ну-ну! Еще и весь этот экологический идиотизм в придачу! Загаживать планету, разогревать планету или что там еще? Все это выдумки парней, которые норовят продавать пятаки по евро и сами не знают, чего хотят!

– Да вы-то что в этом понимаете?

Это вырвалось у меня непроизвольно, в один миг. Он снова остервенело нажал на тормоз, машина дернулась и резко остановилась, я впечатался в спинку переднего сиденья, а потом меня резко отбросило назад.

– Да пошли вы!.. Понятно? Убирайтесь вон! Не выношу, когда всякие придурки читают мне мораль! Вылезайте!

Я отпрянул с такой скоростью, что мое тело вжалось в обивку сиденья. Прошли две секунды в тягостном молчании, потом я открыл дверцу и выскочил из машины. Я вылетел как стрела, пока ему не пришло в голову меня схватить. Кто его знает, может, у него полицейская дубинка под сиденьем…

Я пробрался между машинами до широкого тротуара Елисейских Полей и бегом бросился к Триумфальной арке. Разгоряченное лицо освежил частый моросящий дождик. Страх прошел, но я все бежал и бежал под взглядами туристов и праздношатающейся публики. Я

бежал, потому что ничто больше меня не удерживало. Я разорвал еще одно маленькое звено в ошейнике, развязал еще несколько бесполезных узлов. Я впервые отважился сознательно говорить незнакомому человеку все, что я думаю, и теперь я чувствовал себя свободным, свободным! И мелкий дождик хлестал мне в лицо, словно пробуждая к жизни.

8

Портье в мундире отскочил в тамбур, чтобы я не сбил его с ног, и я влетел в величественный холл отеля Георга Пятого, одного из красивейших дворцов столицы.

Красный мрамор Аликанте устилал пол, и высоко-высоко, к самому потолку, поднимались колонны из красного мрамора.

Бюро администратора тепло светилось деревянными панелями. В помещении царила молчаливая атмосфера деловитой роскоши. Прислуга грузила на золоченые тележки чемоданы и дорожные сумки, по преимуществу из дорогой кожи и с монограммами престижных фирм. Служащие администрации, улыбаясь, раздавали кому ключи, кому карту Парижа, что-то разъясняя и показывая постояльцам. Какой-то тип в шортах и кроссовках фирмы Nike, который смотрелся здесь как репер на сцене, где сидит симфонический оркестр, пересек холл с таким видом, словно только в таких отелях и жил. Наверняка мой соотечественник…

Я подошел к портье:

– Будьте добры, как пройти в бар?

Я боялся, что он сейчас спросит меня, есть ли у меня номер в отеле. Наверное, у меня был еще тот видок: волосы встрепаны, по лицу стекает вода. Но по счастью, вид туриста в шортах придал мне уверенности.

– Справа будут три ступеньки, а за ними, чуть дальше, – бар, – любезно и слегка напыщенно ответил он.

Я поднялся по ступенькам и оказался в просторной застекленной галерее, ведущей вдоль зеленого двора. Апельсиновые деревья, самшит, бассейны со скульптурной отделкой, столы из драгоценных пород дерева и кресла, зовущие к отдыху… С богато украшенного потолка свешивались великолепные люстры. Стены из резного камня украшали величавые статуи в нишах. В глубине галереи виднелись ряды низких столиков, окруженных такими же низкими креслами в мягких чехлах. Так и хотелось плюхнуться в кресло и утонуть в нем, но надо было соблюдать приличествующую месту сдержанность.

Бар выходил на галерею и в сравнении с ней казался маленьким. Обитые темно-красным бархатом стены и пол создавали интимную атмосферу. В этот час посетителей было мало. В низких креслах визави сидела пожилая пара, а чуть поодаль двое мужчин о чем-то оживленно говорили вполголоса. Скорее всего, разговор был деловой. Дюбре я не обнаружил и прошел к столику в глубине, чтобы сразу увидеть, как он войдет. Возле столика пожилой пары я ощутил пьянящий запах духов, исходящий от женщины.

На моем столике лежали газеты. Среди них несколько серьезных: «Геральд трибюн», «Нью-Йорк таймс» и «Ле Монд» и издания помельче. Я взял «Closer»[6], чей потрепанный вид говорил об определенной популярности. В конце концов, я находился в таком заведении, где вполне уместно проявить интерес к жизни звезд!

Вскоре появился Дюбре, и я отбросил в сторону журнал. Он шел ко мне между столиками, и я заметил, как глаза всех посетителей повернулись в его сторону. Он был из тех людей, что излучают некую магнетическую энергию и сразу привлекают к себе внимание.

– Ну, рассказывай о своих подвигах!

[6] *«Closer»* – популярный во Франции таблоид, печатающий светскую хронику, не чужд эротической окраски.

Я заметил, что он со мной не поздоровался. Каждый раз, когда мы встречались, он будто возобновлял беседу, прерванную минутой раньше, чтобы отлучиться в туалет.

Он заказал бурбон, я ограничился перье.

Я в деталях описал ему сцену в такси, и он от души хохотал над шофером.

– Ну ты просто попал в яблочко! Если бы я для себя устраивал такую встречу, мне бы вряд ли повезло найти такой типаж.

Я поведал ему, как трудно мне было находить возражения на все сентенции шофера и какое чувство облегчения охватило меня потом, когда все закончилось, хотя мы и повздорили.

– Я очень доволен, что ты через это прошел. Слушай, ты мне много рассказывал о работе, что в кабинете чувствуешь себя как в заточении и тебя преследует ощущение, что за тобой все время следят и судачат за спиной.

– Да, там мне не дают быть самим собой. Мне не хватает свободы. Я ощущаю себя узником. Мне все кажется, что они обсуждают каждый мой жест, каждое слово. А сегодня, уходя из офиса, я нарвался на нелестную реплику начальника. Правда, я ушел немного раньше, но зато в другие дни сидел допоздна. Ну ведь несправедливо упрекать меня за единичный уход, когда я и так все время задерживаюсь! Я не свободен, я задыхаюсь…

Он взглянул на меня проницательным взглядом, отхлебнув добрый глоток бурбона. От него пахло дорогим парфюмом.

– Знаешь, когда ты сказал: «Там мне не дают быть самим собой», мне захотелось ответить: «Наоборот, тебе дают быть самим собой, более того, тебя к этому раз за разом подталкивают. От этого ты и задыхаешься».

Я был поражен:

– Не понимаю вас.

Он откинулся на спинку кресла:

– Когда ты рассказывал мне о коллегах, мне запомнился один из них, такой нахальный парень…

– Тома.

– Он самый. Задавака, насколько я могу судить по твоим словам.

– Это еще слабо сказано…

– Представь себе, что сегодня Тома оказался на твоем месте, что это он ушел из офиса в четыре или пять часов и в коридоре столкнулся с шефом.

– Это был не наш непосредственный начальник, а ведущий все направление.

– Вот и хорошо. Вообрази эту сцену: Тома уходит на час раньше и в коридоре налетает на шефа.

– Попробую…

– А ты – маленькая мышка и наблюдаешь за этим из норки.

– Ладно…

– Что они говорят друг другу?

– Гм… Не знаю… Ну… Странно так вот представлять… Ларше, наверное, улыбается… Дружески, очень доброжелательно…

– Интересно… Значит, ты полагаешь, что если бы Тома сегодня вечером оказался на твоем месте, то начальник именно так к нему бы и отнесся?

– Ну… возможно… Во всяком случае, я так себе представляю. На самом деле это было бы очень несправедливо. Но я думаю, Тома у него в любимчиках и правила на него не распространяются.

– Ясно. А как зовут того парня, который, по твоим представлениям, всех дурачит?

– Микаэль?

– Ага, Микаэль… А теперь представь себе ту же сцену, но с Микаэлем на твоем месте. Это Микаэль ушел из офиса в пять часов. Как обернется дело?

– Сейчас посмотрим… Я вижу… Наверное, Ларше отчитал бы его, как и меня!

– Да?

– Он ему также сказал бы: «Что, отдыхаешь после обеда?» И тон его, скорее всего, был бы еще ядовитее. Ну да, точно! Он всегда над ним насмехается.

– А как отреагирует Микаэль?

– Гм… Трудно представить… Ну, я думаю, Микаэль, с его самоуверенностью, ответит что-нибудь вроде: «Вы рассуждаете, как знаток» – или еще что-нибудь придумает.

– Ах вот как! А Ларше?

– Да разойдутся каждый в свою сторону, и оба будут хохотать всю дорогу.

– Очень интересно, – сказал он, приканчивая свой бокал. – И что ты об этом думаешь?

– Не знаю, – ответил я задумчиво. – Если бы так и было на самом деле, значит Микаэль тоже в любимчиках.

– Нет, Алан, это совсем не так.

Он знаком подозвал официанта:

– Еще один бурбон.

Я отпил перье. Дюбре наклонился ко мне и впился в меня своими синющими глазами. Я ощутил себя голым.

– Это совсем не так, Алан, – повторил он. – На самом деле все сложнее. Тома считает себя выше других, и это вызывает у Ларше… определенное уважение. Микаэль же над всеми подтрунивает, а Ларше прекрасно знает, что это беда тех, кто считает себя хитрее других. И Ларше поднимает его на смех, чтобы показать, что он сам еще хитрее. А ты…

Он выдержал паузу.

– А я никого из себя не корчу, как другие, я естественный, такой, как есть, и этим пользуются.

– Нет, все гораздо хуже, чем ты думаешь. Ты, Алан, как ты сам себя характеризуешь, действительно… несвободен. Ты несвободен, и это еще дальше загоняет тебя в ту тюрьму, где ты находишься… Ты замыкаешься в молчании там, где я готовил бы решительный удар. У меня бы кровь бросилась в лицо, меня захлестнул бы гнев. Что это он там мне такое говорит?

– Да все наоборот! Совсем наоборот! Я не выношу, когда посягают на мою свободу!

– Посмотри, как получилось с водителем. Ты говоришь, что делал над собой усилие, чтобы ему возражать. Все-таки он вряд ли снова тебе встретится, и ни твоя жизнь, ни твое будущее от него никоим образом не зависят, правда? И все равно ты испытываешь потребность как-то приноровиться к тем, от кого ждешь оценки. Ты боишься, что в тебе разочаруются и тебя отвергнут. Вот почему ты не позволяешь себе ни говорить, что думаешь на самом деле, ни поступать сообразно своим представлениям. Ты все время делаешь над собой усилие, чтобы соответствовать ожиданиям других. И ведь тебя об этом никто не просит, Алан, инициатива только твоя.

– Но я думаю, что это совершенно нормально! Если все станут совершать хоть небольшое усилие ради других, жизнь станет лучше.

– Совершенно верно, но тут речь идет не о твоем собственном выборе. Ты ведь не говоришь себе с утра: «Ага, сегодня я делаю то, что от меня ожидают». Нет, ты так поступаешь бессознательно. Ты полагаешь, что иначе тебя не будут любить и не станут с тобой общаться. И, сам не отдавая себе отчета, ты без конца себя к чему-то принуждаешь. Твоя жизнь проходит в подчинении, потому ты и не ощущаешь себя свободным. И… ты хочешь подчиняться.

Я был ошеломлен. Меня словно обухом по голове ударили. Я ожидал чего угодно, только не такого… Голова шла кругом. Все перемешалось: мысли, идеи, события, и я потерял почву под ногами. Хотелось с порога отмести весь анализ Дюбре, но какая-то часть меня понимала, что доля истины тут присутствует. И эта истина меня тревожила. Мне, который всю жизнь так

ревностно оберегал свою свободу от посторонних посягательств, вдруг заявляют, что я сам стремлюсь подчиниться чужой воле.

– Видишь ли, Алан, когда мы стремимся никого не разочаровать, соответствовать чужим ожиданиям или уважать чужие обычаи, это часто приводит к тому, что люди начинают вести себя с нами нагло, будто мы обязаны им подчиняться. И они это воспринимают как норму. Если ты чувствуешь себя виноватым, уйдя с работы на час раньше, то твой начальник только усугубит чувство вины. И это вовсе не означает, что он плохой человек. У него тоже все происходит бессознательно: он чувствует, что для тебя неприемлемо смыться раньше, потому и задевает тебя. Ты сам провоцируешь его реакцию, понимаешь?

Я ничего не ответил, завороженный круговращением кусочков льда в его стакане с бурбоном. Он тихонько покачивал стакан, и лед, отсвечивая искорками, стукался в хрустальные стенки.

– Алан, – начал он снова, – свобода внутри нас. Она должна исходить от нас самих. Не жди, что она придет со стороны.

Его слова оседали в моем сознании.

– Возможно, – согласился я.

– Есть множество исследований о выживших узниках концлагерей во время Второй мировой войны. В одном из них говорится, что у всех оставшихся в живых была одна общая черта: они остались свободными внутри себя. К примеру, даже если у них на целый день был маленький кусочек хлеба, они говорили себе: «Я волен съесть этот хлеб, когда захочу. Я свободен в выборе момента, когда его проглотить». С помощью выбора, который может в их положении показаться смехотворным, они сохранили в себе чувство свободы. Оно и помогло им выжить.

Я внимательно его слушал и не мог не признаться себе, что, окажись я на месте этих несчастных, я бы так остро ощущал гнет силы и власти тюремщиков, что вряд ли был бы способен на такое состояние духа.

– А как же мне… э… добиться внутренней свободы?

– На это нет ни рецептов, ни способов. Хорошее средство – в течение некоторого времени делать то, чего обычно тщательно избегаешь…

– Мне кажется, что с самого начала ваши советы сводятся к тому, что я должен делать вещи, которые мне не по нраву. Скажите, это и есть один из методов эволюции жизни?

Он громко расхохотался, и надушенная пожилая дама обернулась к нам.

– Все гораздо сложнее. Но если стремиться избегать в жизни всего, что внушает страх, никогда не поймешь, что большинство страхов мы придумываем себе сами. Единственный способ проверить, что истинно, а что ложно, – выяснить этот вопрос на поле боя. Вот почему иногда полезно схватить себя за руку, даже рискуя сделать себе больно, чтобы испытать на прочность то, что вызывает ужас, пока не появится шанс убедиться, что ужас этот – надуманный.

– И что вы потребуете от меня на этот раз, чтобы решить мои проблемы?

– Посмотрим, – сказал он, поудобнее устраиваясь в кресле, явно довольный, что имеет возможность высказать свои соображения. – Ты ошибочно полагаешь, что люди перестанут тебя любить, если ты не будешь поступать по их критериям. И поскольку у тебя есть потребность соответствовать образу, созданному другими, ты начнешь изображать сдвиг по фазе.

Я сглотнул. Лицо горело огнем.

– Сдвиг по фазе?

– Да. И в конце концов выберешь манеру поведения, совершенно тебе не свойственную. Например, начнешь таскать с собой на службу журнал, который тебе интересен только до тех пор, пока тебя с ним не увидят.

К моему великому смущению, он указал на «Closer», который я положил на столик обложкой вверх.

– Если я приду с этим журналом, я себя перед всеми скомпрометирую.

– Ах, имидж, ах, имидж! Вот видишь, насколько ты несвободен…

– Но это вопрос доверия ко мне на службе. Я просто не могу…

– Ты забываешь, как много раз повторял мне, что у тебя в офисе люди как таковые никого не интересуют, интересуют результаты. Значит, и то, что ты читаешь, тоже никого не интересует.

– Но я не могу… Мне будет… стыдно!

– Но ты не можешь стыдиться того, что тебе интересно.

– Да не интересно мне! Я никогда не читаю этот журнал!

– Знаю. Его никто не читает. И тем не менее он продается каждую неделю тысячами… И он тебе интересен, потому что, когда я вошел, ты держал его в руках.

– На самом деле… я не знаю… Так, может быть, из любопытства…

– Имеешь право на любопытство, и этого качества нечего стыдиться.

Я представил себе, какие лица будут у коллег и начальства, если они увидят меня с этим журналом.

– Алан, – продолжал Дюбре, – ты станешь свободным в тот день, когда тебя перестанет волновать, что о тебе подумают люди, увидев тебя с «Closer» под мышкой.

И мне невольно подумалось, что этот день очень далек…

– Это не заслуживает аванса…

– Тебе надлежит каждый день совершать, скажем так… по три предосудительных поступка. Точнее, ты должен трижды в день вести себя неподобающим образом, не важно в чем, хоть в мелочах. Я добиваюсь, чтобы ты на какое-то время расстался со своим перфекционизмом, пока не поймешь, что ты живой человек, и для тебя от этого ничего не изменится, и твои отношения с другими людьми не пострадают. И вот еще что: по меньшей мере дважды в день ты должен либо отказывать в ответ на просьбы, либо возражать против чужой точки зрения. Выбирай сам.

Я молча смотрел на него, не проявляя никакого энтузиазма. Однако его пыл от этого не убавился. Ему собственные идеи явно очень нравились.

– И когда начинать?

– Тотчас же! Не стоит откладывать на потом то, что может способствовать нашему росту!

– Прекрасно. Тогда я просто обязан уйти по-английски, не прощаясь, и вовсе не обязан оплачивать свой заказ.

– Молодец! Отличное начало!

Он был доволен, но по его хитрому взгляду невозможно было понять, что будет дальше.

Я встал из-за столика и уже почти миновал весь бар, и тут он меня окликнул. Его громкий, раскатистый голос разорвал тишину, и все сразу обернулись, видимо, решив, что дело дошло до драки.

– Алан, вернись! Ты забыл журнал!

9

Ненавижу утра понедельника. Впрочем, это чувство, наверное, знакомо всем. У меня же на это особые причины: по понедельникам у нас проходят рабочие совещания. Каждый понедельник мы выслушиваем, насколько наши результаты далеки от ожидаемых. Что же надо сделать, чтобы ожидаемого достигнуть? Что мы собираемся для этого предпринять? Каковы наши решения?

Выходные дни были богаты эмоциями, как и неделя, последовавшая за встречей с Дюбре. Первые дни я еще подсчитывал все свои маленькие подвиги, а потом начал отважно использовать любую возможность.

Я нарочно еле тащился на автомобиле по тесной улочке, где за мной ехали еще машины, хотя меня разрывало от желания взять вправо и уступить дорогу или нажать на газ, чтобы никто не подумал, что за рулем сидит какой-то старикашка. Я пошумел в собственной квартире и навлек на себя упреки мадам Бланшар. Я повесил трубку, когда какой-то рекламный агент попытался продать мне окна. Я явился в офис в башмаках разного цвета. Я ел гусиную печенку в маленьком ресторанчике и сказал официанту, что макароны были великолепны. Наконец, я повадился в часы пик пить кофе в кафе напротив, где все заняты экономическими проблемами страны и вопросом, куда же смотрит правительство. Естественно, я ни с кем не соглашался.

Все это давалось мне с трудом, хотя какая-то часть меня начинала получать известное удовольствие от преодоления страхов, и я лелеял надежду, что когда-нибудь их удушающее кольцо разожмется.

В тот понедельник, как только закончилась встреча с первым кандидатом, я потащился на ненавистное собрание.

Одиннадцать ноль-пять. Ага, значит, я опоздал… Я вошел в зал с блокнотом в руке и… «Closer» под мышкой. Все консультанты уже сидели за круглым столом. Я был последним, кого ждали.

Люк Фостери бросил на меня ледяной взгляд. Слева от него улыбался своей невозмутимой улыбкой с рекламы зубной пасты Грегуар Ларше. Он знал, что лучшего от людей можно добиться только добром. Я был уверен, что он отбелил себе зубы. Они так сверкали белизной, что наводили на мысль о протезе. Когда он говорил, я не мог заставить себя смотреть ему в глаза: взгляд сам перебегал на зубы.

Я занял свободное место. Все обернулись ко мне. Я положил журнал на стол обложкой кверху и сидел, не поднимая глаз. Мне было стыдно.

Тома слева от меня делал вид, что вдохновенно читает «Файнэншл таймс». Микаэль болтал с соседкой, которая безуспешно пыталась опустить глаза на «Трибюн», время от времени прыская со смеху.

– Цифры за эту неделю…

Ларше любил начать, а потом подвесить фразу, не закончив, и таким образом привлечь наше внимание. Он встал, словно желая утвердить свое превосходство над присутствующими, и продолжил, широко улыбаясь:

– Цифры за эту неделю обнадеживают. Мы на четыре процента превысили результаты прошлой недели и на семь – результаты той же недели прошлого года. Исходя из этого я делаю вывод, что общий прирост показателей у нас одиннадцать процентов. Конечно, индивидуальные показатели отличаются друг от друга, и я еще раз должен поздравить Тома, который остался в лидерах.

Тома принял безмятежный и удовлетворенный вид. Ему нравился наряд победителя, которому все нипочем. На самом деле я знал, что для него комплимент – все равно что доза кокаина.

– Для остальных у меня тоже есть великолепная новость.

Грегуар Ларше победным взглядом оглядел группу, тем самым создавая театральный эффект.

– Прежде всего, должен вам сообщить, что Люк Фостери немало для вас потрудился. Около месяца он анализировал все данные, которыми располагал, чтобы установить, почему у одних показатели лучше, а у других хуже, хотя все мы работаем по одной методике. Он сопоставил сведения по всем параметрам, сравнил цифры, проанализировал вычерченные кривые.

Результат его работы прост и гениален. Решение у нас в руках, и каждый сможет его достойно оценить. Однако, Люк, я предоставляю тебе возможность самому огласить свои выводы!

Наш начальник, более серьезный, чем обычно, остался сидеть и заговорил своим монотонным, холодным голосом:

– Действительно, рассмотрев все ваши расписания, я выявил обратную корреляцию между среднегодовой величиной времени, потраченного на консультацию, и среднемесячными коммерческими показателями консультанта, скорректированными или не скорректированными на компьютере.

Зал на несколько мгновений замер, и все вопросительно уставились на Фостери.

– А ты можешь все это перевести на человеческий язык? – со смехом спросил Микаэль.

– Это очень просто! – сказал Ларше, быстро перехватив инициативу. – Некоторые из вас тратят много времени на то, чтобы довести беседу с кандидатом до конкретного приема на работу. Если подумать, то это логично. Нельзя одновременно находиться на мельнице и на базаре. Однако если вы тратите слишком много времени на беседу с кандидатами, его остается меньше на то, чтобы рекламировать наше предприятие и продавать наши услуги, и таким образом ваши результаты становятся хуже. Все можно сравнить.

Пока информация доходила до нас, мы молчали.

– Вот вам пример, – снова заговорил Ларше. – Тома, лучший из вас по показателям, тратит в среднем меньше часа двенадцати минут на беседу с каждым кандидатом. А вот Алан, который в арьергарде (мне очень жаль, Алан), посвящает собеседованию в среднем час пятьдесят семь. Улавливаете? Почти вдвое больше!

Я вжался в кресло, глядя перед собой, словно в воздухе над столом появится успокоение. Но на столе не было ничего, кроме «Closer». Я физически ощутил, как на меня давят взгляды присутствующих.

– Конечно, можно уменьшить время собеседований, – сказала Алиса, молоденькая консультантка, – но тогда надо уменьшать и норму удачных приемов на работу. Я всегда помню о гарантиях, которые мы предоставляем предприятиям. Если наш кандидат плохо выполняет работу или увольняется в течение шести месяцев, надо заранее обеспечить ему замену. Извини, Тома, – повернулась она к коллеге, – но наиболее часты такие случаи именно у тебя. У меня они происходят очень редко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.